

Взять свой камень

Автор:

Василий Веденеев

Взять свой камень

Василий Владимирович Веденеев

Антон Волков #2 Военные приключения

В ночь на 22 июня 1941 года при переходе границы гибнет связной советской армейской разведки. Успевший получить от него документы капитан-пограничник таинственно исчезает вместе с машиной, груженной ценностями и архивом. На розыски отправлена спецгруппа под командованием капитана Волкова. Разведчикам противостоит опытный и хитрый противник, стремящийся первым раскрыть тайну груза.

Роман является вторым из цикла о приключениях советского разведчика Антона Волкова.

Василий Веденеев

Взять свой камень

© Веденеев В.В., наследники, 2009

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

Сайт издательства www.veche.ru (<http://www.veche.ru/>)

* * *

Глава 1

Из сообщения ТАСС от 14 июня 1941 года:

...Происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...

Из директивы № 21. План «Барбаросса»:

Ставка фюрера, 18.12.40 г.

Совершенно секретно

Только для командования

Экз. № 2

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на

имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

Из записи о совещании членов экономического штаба «Восток» и представителей военно-экономического штаба «Восток»:

2 мая 1941 года

Совершенно секретно

Только для командования

Отпечатано 2 экз.

1. Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России.

2. При этом несомненно: если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей обречены на голод.

* * *

Легкий ветерок пронесся над лесом – прошумел и затих, всколыхнув застоявшийся сырой воздух, настоящий на тонких ароматах летних трав. Густая листва и хвоя старых сосен надежно прикрывали землю от палящих солнечных лучей, и она хранила влагу дождя, прошедшего вчера ночью. Щекотал ноздри запах прелых листьев и кустов можжевельника, разросшихся под деревьями и

на краях поляны, покрытых высокой травой, над которой вились прозрачные стрекозы. Жарко, даже ветер не принес облегчения, не разогнал парной духоты.

Идущий впереди сержант Глоба поднял руку и тихо свистнул, подражая лесной пичуге, призывая замереть, не выдать своего присутствия.

Денисов метнулся к толстому стволу сосны – шероховатому, с жесткой корой, иссеченной множеством глубоких трещин, – и вжался в него, чувствуя плечом неподатливую твердость дерева. Поглядел вперед – что там заметил сержант, почему подал знак остановиться? Вокруг тихо, только шелестят под ласковыми пальцами ветерка листья, щебечут в кронах птицы да на сопредельной стороне границы басовито гудит мотор.

Глоба привычно сделал шаг в сторону и словно растворился в зелени кустов, только на миг мелькнула пограничная фуражка. А вокруг все так же тихо, жарко, щебечут птахи, гудит мотор.

Но вот справа тревожно застрекотала и низко пролетела сорока, почти чиркнув длинным хвостом по верхушкам кустов. Сверкнула белым боком и унеслась. Потом слышались неясные голоса и звук шагов, далеко разносившиеся в теплом вечернем воздухе: по другую сторону границы, небрежно закинув карабины на плечо, не таясь и громко разговаривая, шли два немца. Вскоре они приблизились, и стало возможным различить отдельные слова, почти не напрягая слуха.

– Не умеет играть в футбол... Топчется, как толстая свинья, у ворот!

– Да, да, – засмеялся второй и щелчком отправил окурок сигареты в сторону нашей контрольно-следовой полосы. Потом фальшиво засвистел опереточный мотивчик.

Глядя вслед удалявшимся немцам, Денисов нетерпеливо покусывал губы – скоро они уйдут, черт бы их? Еще несколько минут напряженного ожидания, и наконец затихли голоса и шум шагов.

Незаметно появившийся из-за кустов Глоба снова тихо свистнул, призывая двигаться дальше. Денисов пошел за ним, пробираясь через кустарник, внимательно глядя под ноги, чтобы ненароком не наступить на сухой сук,

издающий под сапогом треск, похожий на звук выстрела.

Через несколько минут они вышли на небольшую поляну, где среди густых зарослей молочая торчали кривые, покосившиеся в разные стороны колья с намотанной на них колючей проволокой – рваной, местами провисшей, спутанной, но все еще готовой жадно уцепиться, задержать, повалить на землю. За кольями темнела контрольно-следовая полоса, а за ней стоял красно-зеленый полосатый пограничный столб, словно предупреждавший – дальше другой мир, чужая земля!

Согнувшись, Глоба нырнул под нависшие ветви раскидистого куста и предупредительно придержал их, поджидая Денисова; взял его за руку и потянул за собой в полумрак, куда-то вниз, ближе к пряно пахнувшей полынью сырой прохладе земли.

Там оказался глубокий, хорошо замаскированный окоп. Жестом предложив располагаться, сержант, довольно улыбнувшись, кивнул в сторону границы и шепотом спросил:

– Ну, бачите, товарищ капитан?

Денисов не торопясь достал бинокль, аккуратно протер окуляры и поднес их к глазам, вертя колесико настройки.

Сразу словно прыгнули навстречу сухая травинка с желтой букашкой на ней, кустик ежевики, кучка палой прошлогодней листвы. Подняв бинокль выше, он начал методично осматривать сопредельную сторону – поляну, кусты, темные комья вывороченной сырой земли.

– Загородки они снимали, – шепнул Глоба. – Еще недавно стояли, а тут враз снимали. У соседей, говорят, тоже.

Капитан присмотрелся – да, похоже, что там, где темнеют комья, раньше стояло заграждение. Неужели и правда готовятся?

– Ну, бачите? – поторопил сержант.

– Нет, – немного помедлив, признался Денисов. – Где?

– Та вон же, пид кусточком, – Глоба деликатно повернул ему бинокль в нужном направлении.

И капитан увидел: немного левее и ниже большого куста орешника, рядом с вылезшими наружу толстыми узловатыми корнями старой сосны тянулась малоприметная лощинка, узкая и глубокая, почти скрытая высокой травой. Напряженно вглядываясь через сильную оптику, он попытался разглядеть – что таится в ее глубине? Нет, ничего не видно.

Денисов поднял бинокль и снова начал разглядывать сопредельную сторону – поросшую уже слегка порыжевшей осокой болотину, буро-коричневые пятна непросохшей после вчерашнего дождя грязи, луговину со стожком раннего покоса, маленьким, со всех сторон обложенным жердями.

Вспомнилась повесть Толстого «Казачья арба»: арба, груженная сеном, пограничная река с плывущим спрятавшимся за корягой чеченцем. Александр Иванович никому не признавался, что выбор его жизненного пути во многом определила именно эта прочитанная еще в детстве повесть. Ведь она написана о пограничниках! Пусть не о современных, не имевших застав, отрядов, контрольно-следовых полос и служебных собак, как знаменитый Индус Никиты Карацупы; пусть у тех пограничников не было прожекторов, зеленых петличек и фуражек, не было красно-зеленых пограничных столбов с государственным гербом, но в повести жила г р а н и ц а! С ее тревожным ощущением опасности, чувством собранности, готовности в любой момент встретить врага. И те, давние, казаки-пограничники тоже были беспредельно преданы отчизне, жили, любили, воевали и умирали на самом краю родной земли, всегда готовые заслонить ее своим сердцем.

Много лет спустя он читал повесть уже другими глазами, найдя в ней и по-иному поняв красавицу Марьяну, неунывающего деда Ерошку, казака Лукашку Оленина, их любовь и ревность, познал поэзию слога великого писателя, но чувство границы, рожденное книгой, осталось навсегда.

Но сейчас, в тридцати-сорока метрах от него, не быстрая кавказская река, а луговина, и за ней не чеченцы, а фашисты...

– Тихо сегодня у гитлеров, – шепнул Глоба. – То, як скаженные, моторами гремели, самолеты ихние летали, да так низко, что чуть фуражку с головы не сшибали, а летчики скалились из кабин и пальцем вниз тыкали... Я так и ждал, чтобы хучь один в землю тыкнулся! Да нет, ловкие, черти, выворачивали, а сегодня притихли, як неживые.

– Суббота, – отозвался капитан, – завтра выходной. Орднунг – порядок, значит, – желчно усмехнулся он. – Аккуратисты! Отдыхать будут или пакость какую готовят. Одно слово – фашисты.

– М-да, – крикнул сержант. – Они теперь, як зверюга, что крови свежей спробовал. Остановить их, думаю, кроме нас, некому.

– Правильно думаешь, – покосился на него Денисов. – В котором часу смеркается?

– К двадцати трем. Если тучи не набегут, луна в первой четверти будет, но к двум часам зайдет. Полностью светает в пять.

Александр Иванович кивнул и прислонился спиной к сырой стенке окопа, показывая, что теперь хватит разговоров, надо молчать и ждать.

Они ждали человека с той стороны. Сообщение было получено из Минска ночью. Вестовой прибежал на холостяцкую квартиру Денисова, которого на четыре часа отпустили поспать, поднял его с постели и передал приказ немедленно прибыть в штаб отряда.

Семью Александр Иванович еще не успел привезти – считал преждевременным трогаться в путь жене с малыми детьми, тем более что один еще грудной, но отчаянно скучал по ним, часто писал и с нетерпением считал дни, пока маленький подрастет и они снова смогут жить все вместе.

Начальник разведотдела, моргая красными, воспаленными от хронической бессонницы глазами, молча подал Денисову шифротелеграмму.

– Места тебе знакомые, – ладонью разгоняя перед собой табачный дым, сказал он. – На заставе предупреждены. Связной пойдет через старое, давно

законсервированное «окно». Немцы о нем, полагаю, не знают.

Он помолчал, о чем-то раздумывая, потом поднял глаза на стоявшего перед ним капитана.

– Вот что, Александр Иванович! Нам всего знать не положено, однако смекаю, что человек с очень важными материалами идет, которые радио доверить нельзя. Неожиданностей на границе можно всяких ждать, поэтому я тебя прошу, чтобы обязательно... Ну да ты и сам все прекрасно понимаешь. Когда доставишь связного к нам, за ним самолет пришлют. Ясно?

Денисов понимал: просто так авиацию гонять не станут, а неожиданностей от беспокойного и наглого сопредельного соседа можно ждать всяких. Поэтому неизвестный связной, рискующий жизнью, должен быть обязательно встречен и доставлен по назначению, но все это не просто, поскольку в сложившейся обстановке нельзя давать немцам ни малейшего повода для новых провокаций, появляясь около линии границы в сопровождении большой группы вооруженных людей. И еще он понимал, что поручение серьезное, крайне серьезное, иначе начальник не стал бы просить, а просто дал бы приказ – если дело касалось чего-то весьма серьезного и опасного, он никогда не приказывал, а просил.

Еще в погранучилище Саше Денисову понравилась спокойная, доброжелательная сдержанность командиров, их ненавязчивое внимание, умение всегда оказаться рядом в трудных ситуациях и помочь – делом, словом, пусть скупым, но теплым, ободряющим, помогающим поверить в себя, в свои силы. Поверить – и ты будешь командиром, и ты все сможешь, научишься, преодолеешь робость, неумение и временами появляющееся сомнение в собственных силах.

Позже, уже на границе, Денисов еще раз убедился, что такая доброжелательная сдержанность присуща всем, кто прошел пограничную службу, полную опасностей и тревог...

Точного времени перехода границы связным в сообщении не указали. Капитан Денисов и сержант Глоба не знали и того, кто именно должен выйти через малоприметную лощинку к их секрету – мужчина, женщина, подросток? Надо затаиться и ждать, ждать до рассвета, а потом вновь приходиться на это место еще две ночи...

Незаметно наступили сумерки, примолкли весело щебетавшие лесные птицы. Одна – серенькая, с остреньким клювом-шильцем – села на ветку куста неподалеку от пограничников. Покачалась на ней, кося на людей любопытным глазом-бусинкой, смешно склоняя набок головку, и полетела дальше по своим делам – наверное, устраиваться на ночлег.

Напрягая зрение, капитан вгляделся в сгущающийся сумрак – если бы стать птицей и высоко подняться над темнеющим лесом, чтобы увидеть: куда тянется лощина на сопредельной стороне, пробирается ли по ней тот человек, которого они ждут, не следят ли за ним чужие, враждебные глаза? Немцев на той стороне как сельдей в бочке. Надо обладать незаурядной смелостью и большим опытом, чтобы добраться до границы и попытаться ее перейти, а они ничем не могут помочь неизвестному связному.

Александр Иванович взглянул на часы – скоро двенадцать, наступят новые сутки. В сыром сумраке леса приходилось прислушиваться к каждому шороху, крику птиц, шуму листвы. Подавив нервный зев, Глоба энергично растер плечи руками – становилось прохладно.

Неожиданно темноту неба на сопредельной стороне разорвало вспышкой красной ракеты. Разбрызгивая в стороны мелкие искры, она описала кривую дугу, опускаясь к той самой неприметной лощине, заросшей травой и кустарником. Потом донесся тихий хлопок выстрела ракетницы. Следом сухо потрещала очередь немецкого автомата.

Пограничники подобрались, до рези в глазах вглядываясь в темноту – что там?

Взлетело еще несколько ракет, теперь уже белых, осветительных, залил мертвенным светом поляну на той стороне, деревья, стог, колья с провисшей ржавой колючей проволокой.

Денисов моргал, привыкая к дрожащему неверному свету ракет, и потому пропустил мгновение, когда на поляне появился высокий человек – без головного убора, одетый в темное, он тяжело бежал к границе, оскальзываясь на мокрой от росы траве.

Из кустов, росших рядом с лощиной, наперерез ему выскочили три вооруженных немца. Тускло блеснули примкнутые к стволам карабинов ножевые штыки.

– Хальт! Стой!

Глоба поднял автомат, поудобнее пристраивая его на бруствере. Денисов предостерегающе положил руку на оружие:

– Спокойно, сержант, спокойно!

Человек на поляне кинулся в сторону от солдат.

– Наш? – свистящим шепотом выдохнул Глоба.

– Спокойнее, спокойнее, – повторил капитан, кусая губы от бессилия. Чем они могли помочь неизвестному, чем?

Немцы не стреляли, видимо, желая захватить перебежчика живым. Гулко бухая сапогами, они тесной кучкой бежали за ним, выкрикивая ругательства. Денисов достаточно хорошо владел немецким и потому смог их понять.

Внезапно дорогу бегущему преградил еще один солдат, появившийся из зарослей. Наставив на неизвестного карабин и угрожая ему штыком, он сделал выпад. Увернувшись, беглец сбил солдата с ног и отработанным приемом вырвал у него оружие.

– Ловок! – не сдержал восхищения Глоба.

Однако немец не растерялся и, быстро вскочив на ноги, выхватил саперную лопатку. Немного отстраненно, занятый происходившим на его глазах напряженным смертельным поединком, Денисов отметил, что немцы экипированы по полной боевой выкладке.

Хорошо было слышно, как заскрежетал металл, когда солдат отбил удар неизвестного. Но тот оказался опытнее: словно на плацу при разучивании упражнения «справа прикладом бей», он сильно ударил немца прикладом в голову. Тут рухнул.

Перебежчик судорожно передергивал затвор карабина, когда набежали преследовавшие его солдаты. Глоба только тихонько кричал, наблюдая за ходом неравной схватки. Неизвестный отбивался от наседавших врагов умело, экономя силы, заставляя противников мешать друг другу. Вот один из солдат выронил оружие и осел на землю, зажимая руками рану на животе. Грохнул выстрел, упал второй солдат, а через поляну, подпрыгивая на кочках, уже неслись к месту схватки немецкие мотоциклы, желто светя фарами, выхватывавшими из сумрака фигуры дерущихся людей.

С одного из мотоциклов полоснули очередью из пулемета. Пули прошли поверху, чмокая по листве и впиваясь в стволы деревьев. Второй очереди неизвестный ждать не стал – сильно оттолкнув прикладом нападавшего на него солдата, он бросил оружие и, не обращая внимания на выстрелы и крики за спиной, рванул к границе.

Глоба ужом выскользнул из окопа и шустро пополз к контрольно-следовой полосе, безошибочно определив, где ее должен пересечь неизвестный. Денисов последовал за ним.

И все же он не успел. Уже на нашей стороне неизвестный дернулся и упал. Пророкотала еще одна пулеметная очередь. Пули стригли прямо над головой – немцы не стеснялись, стреляли прицельно, по нашей территории.

– От бисовы дети, – зло прошипел сержант. Он ухватил перебежчика за плечи, стараясь оттащить его в сторону. Подоспевший капитан помог ему.

Они успели оттащить неизвестного подальше от линии, слыша, как возбужденно гомонят немцы и трещат моторы их мотоциклов.

Связной оказался рослым, тяжелым. Перевернув его на спину, Денисов включил потайной фонарик и в синем, неверном свете бегло взглянул на неизвестного. Тот был одет в несвежую темную сорочку без галстука и полосатый костюм. Приподняв голову, он попытался что-то сказать, но не смог – из губ вырвался только сиплый стон.

– Двигать надо, капитан! – зашептал Глоба. – С нашей стороны под уклон, не достанут.

Они подхватили перебежчика и поползли. Предупреждение Глобы оказалось не напрасным – немцы дали еще несколько пулеметных очередей.

«На заставе уже поднялись по тревоге», – подумал Денисов.

Оказавшись в безопасности, он толкнул неизвестного в бок, приглашая его подняться и следовать за собой, но в ответ тот лишь застонал. Быстро ощупав мужчину, Александр Иванович ощутил у него на груди что-то твердое и выпуклое, а потом пальцы попали в липкое и теплое.

– Глоба, помоги! Он ранен. Осторожнее!

Вскоре уже почти ничего не выдавало недавнего присутствия здесь людей, кроме примятой травы и капель крови на ней.

Было ноль часов сорок минут 22 июня 1941 года...

* * *

– Товарищ старший лейтенант, три пули у него в груди, – военфельдшер виновато поморгал белесыми ресницами, глядя на начальника заставы. – Я ничего не смогу... Тут и академик хирургии не сдюжит. Крови он много потерял.

– А ты через «не могу», Таранин, – начальник заставы мягко подтолкнул военфельдшера к столу, на котором лежал раненый.

Денисов тем временем разглядывал снятый с перебежчика пояс – широкую полосу брезента с завязками и вместительным карманом, в который была засунута пухлая черная папка из хорошо выделанной мягкой кожи. В том же кармане, поверх папки, лежали две гранаты, распиравшие брезент ребристыми боками. Осторожно вынув их, Александр Иванович достал папку, открыл блестящий латунный замочек. Внутри – пачки документов. Бросились в глаза распластаный орел со свастикой в хищных когтистых лапах и жирно отпечатанные типографским шрифтом грифы высшей секретности. Капитан быстро убрал документы, сунул папку обратно и, немного подумав, пристроил на прежнее место гранаты.

Резал глаза свет сильной лампы, звякали медицинские инструменты, тихо приговаривал начальник заставы:

- Надо его до города довезти, Таранин! Ты уж постарайся, милый, сделай все как надо.

Во дворе жалобно скулила служебная собака, иногда подвывая и повизгивая. Привлеченная светом, билась о стекло мохнатая ночная бабочка; мерно отсчитывали время ходики на стене.

Таранин выпрямился и повернулся к Денисову:

- Вас зовет, товарищ капитан.

Александр Иванович встал, не выпуская из рук тяжелого пояса, подошел, заглянул в лицо раненого – бледное, покрытое испариной, с запавшими темными глазами и спекшимися в сине-багровый ком губами.

- Мне нужен утренний поезд до Минска, – с польским акцентом прошелестел перебежчик.

- Бредит, – вздохнул готовивший для укола шприц Таранин.

Начальник заставы молча потянул его в сторону от стола.

- Могу предложить только верхнюю полку, – нагнувшись к раненому, ответил Денисов.

- Это... – пальцы правой руки перебежчика беспокойно зашевелились. – Где?

- Вот! – Денисов показал ему пояс.

Раненый удовлетворенно прикрыл глаза. Капитан хотел отойти, но неизвестный снова прошептал:

- Отдайте в Москву, «старому», очень важно.

Лицо его скривилось в гримасе боли, потом обмякло, рот приоткрылся.

- Фельдшер! - крикнул Денисов.

Подскочил Таранин со шприцем, отстранил Александра Ивановича, быстро протерев ваткой руку раненого, всадил иглу и ввел лекарство. Потом молча выпрямился и выдернул шприц.

- Что?! - шагнул к нему начальник заставы.

Таранин, не отвечая, пошел в угол, к шкафчику аптечки. Плечи его дрогнули.

- Все, - глухо сказал он.

Начальник заставы накрыл тело перебежчика простыней. Скорбно постоял над ним несколько секунд, а когда обернулся, увидел Денисова, расстегивавшего пуговицы на вороте гимнастерки. Стянув ее с себя, он начал прилаживать на груди брезентовый пояс с папкой и гранатами.

- Теперь моя очередь, - ответил капитан на немой вопрос начальника заставы. - Готовьте машину, надо ехать.

* * *

К старому зданию госбанка участковый уполномоченный Алексей Кулик добрался только в первом часу ночи - совещание в райотделе НКВД затянулось. В банке сегодня нес службу его односельчанин - Петя Дацкий. Он уже больше недели не был дома и попросил через дежурного, чтобы Алексей по окончании совещания заехал повидаться, рассказать последние новости и передать семье привет и гостинцы.

Выходя из райотдела, Кулик взглянул на часы - время позднее, может, не ездить к Пете? Тем более, до родной деревни Кулика еще крутить и крутить педали старенького польского велосипеда - разве к утру только доберешься, если не позже; но нехорошо подводить товарища - не таков Алексей Кулик, чтобы сначала обещать, а потом не сделать. Служба в милиции - особенно здесь, в недавно воссоединенных районах Западной Белоруссии, - напряженная,

сложная; бывало и постреливали по ночам. Самого Кулика тоже раз чуть на тот свет не отправили. Подозреваемых на покушение оказалось всего двое – Гнат Цыбух и Ивась Перегуда. Обоих начальство распорядилось задержать и доставить в город. Теперь они сидят в камере тюрьмы, ведется следствие.

При таких делах, да когда немец за кордоном без конца шебуршится, скоро ли еще Петро в деревню попадет? Может, через неделю, а может, через две, но никак не раньше. А он, Кулик, утром дома будет – поспит часок-другой и опять на службу. Тогда и к Петинной родне заглянет, передаст приветы и гостинцы. Поэтому, более не раздумывая, Алексей поехал к госбанку – благо недалече, весь городок за два часа пешком можно обойти.

Заранее предупрежденный звонком дежурного, Дацкий уже ждал. Поглядев в окошечко и убедившись, что перед ним действительно Кулик, он приоткрыл тяжелую дверь, пропуская участкового внутрь. Подал узелок с гостинцами, вздохнул:

– Ты, Алексей, моим скажи, пусть шибко не беспокоятся. Служба! Да и международная обстановка... Жене передай, что на неделе буду, начальник отпустить обещал. Чего на совещании говорили?

– Все то же, – устало зевнул Кулик. – Надо быть всегда начеку, ловить провокаторов и шпионов, изучать оружие и выявлять распространителей ложных слухов. Поеду я, а, Петро? А то еще сколько педали крутить...

– Давай, – отпирая двери, неохотно согласился Дацкий. Ему было скучно одному сидеть ночью в здании банка и ждать утра, отвечая на редкие телефонные звонки дежурного по райотделу. А тут предоставилась возможность с односельчанином побалакать, отвести душу.

– Аккурат к рассвету на месте будешь, – сказал Дацкий, наблюдая, как Кулик пристраивает узелок на руль велосипеда.

– Ну прощевай, Петро, – взмахнул рукой участковый. Тронулся с места, неуклюже покачиваясь из стороны в сторону, покатил под горку, по мощенной булыжником улице, чтобы потом свернуть на шоссе, ведущее к границе.

Несколько минут Дацкий стоял в дверях, глядя вслед удалявшемуся односельчанину. Потом поглядел на полное звезд небо и сердито захлопнул тяжелую дверь. Задвигая засов, он вздохнул – не удалось хоть немного скрасить скуку ночного дежурства.

Но и Алешку надо понять – и служба, и семья, и времени свободного остается не так много, а дел хватает, что на огороде, что в хате, которая быстро придет в упадок без хозяйского догляду. Хорошо, успел передать с ним гостинцы своим, будет радость дочке, да и жена получит весточку.

Войдя в зал банка, Дацкий направился к телефону – позвонить дежурному, сообщить, что Кулик был и уже уехал, на посту все в полном порядке.

Позвонив, он начал устраиваться на ночлег – не грех и прикорнуть немного. Вытянувшись на жесткой деревянной скамье с высокой спинкой и резными круглыми подлокотниками, Петр блаженно потянулся, ослабил ремень с висевшей на нем кобурой нагана, прикрыл лицо фуражкой и задремал.

Снились ему родная хата, стоящая на пригорке под высокими ветлами, тихая заводь, окруженная стрелками цветущего камыша, и ласковые руки жены, заботливо подсовывающей под голову Петру подушку в разноцветной, сшитой из ситцевых лоскутков, наволочке...

Тем временем Кулик уже доехал до окраины городка. Улицы там были немощеные, шины велосипеда мягко шуршали по земле, тянуло свежестью от разросшихся за палисадниками деревьев, прятавших за своей зеленью домишки предместья.

Заметив около забора темные фигуры, Алексей насторожился – еще свежо было в памяти противное ощущение близости смерти, когда мимо виска просвистел выпущенный из чужого ружья свинец. Зачем опять по-дурному подставлять голову? Мало ли кто может таиться в темноте, тем более – городок их приграничный. Не зря же на совещаниях все время толкуют про диверсантов и шпионов!

На всякий случай он расстегнул кобуру нагана и замедлил ход велосипеда, чутко прислушиваясь – не раздастся ли в ночной тишине характерный щелчок взводимого курка или лязг передернутого затвора?

Но, подъехав ближе, он разглядел светлое женское платье, услышал девичий смех и немного успокоился – молодежь гуляет. Июньские ночи короткие, соловьиные трели, поцелуи под луной, жаркие слова признаний... Пусть гуляют, их дело молодое. Потом будет семья, пойдут дети, начнутся заботы по хозяйству – и эти короткие летние ночи останутся только сладким воспоминанием о золотой поре.

Улыбнувшись в темноте в ответ на свои мысли, Кулик нажал на педали, торопясь к утру добраться домой...

* * *

Завклубом Сашка Тур с малых лет страдал от того, что природа наградила его рыжей шевелюрой и неисчислимыми конопушками, щедро рассыпанными по всему лицу. Мама, бывало, говорила: «Ты не рыжий, Санечка, а золотой», – но соседские ребята ее точку зрения не разделяли и дразнились. Он злился, лез в драку, разбивал обидчикам носы, но и самому частенько доставалось.

Потом наступила юность, ребята дразнить перестали, тем более что вырос Саша парнем крепким и умел постоять за себя, но возникла другая, пожалуй, еще более серьезная проблема – девушки! Как ухаживать за понравившейся девчонкой, если проклятые рыжие вихры не поддавались никакой расческе, а конопушки не сходили даже от ежедневных протираний тройным одеколоном? Лицо только еще больше покраснело и с него начинала слезать кожа, но конопушки упрямо сидели на носу.

С волосами Сашка кое-как справился – начал стричься коротко, «под расческу», оставляя короткий жесткий ежик, а про конопушки постарался накрепко забыть, словно и не было их совсем.

Весной, закончив курсы киномехаников, он по распределению приехал в этот городок. Работа ему понравилась – всегда с людьми, сам кассир и киномеханик, сам художник, рисующий афишки, сам бухгалтер и руководитель кружков, но сам же и уборщица, и завхоз, и дворник. Однако какие это мелочи, когда есть самостоятельный заработок и отдельная комнатуха при клубе, обустроенная в соответствии с собственным вкусом!

Часть полученных денег Сашка отсылал матери, на остальные покупал книги и жадно, ночи напролет, читал – хотелось знать как можно больше. И еще очень хотелось, чтобы, когда призовут служить в Красную армию, ему писала письма Анеля Браницкая, работавшая в госбанке, – красивая девушка с длинными, цвета спелой ржи, косами. Завклубом давно на нее заглядывался, но подойти никак не решался – стеснялся все тех же проклятых конопушек и своих рыжих волос, боялся в ответ на приглашение на танцы или в кино услышать обидные слова отказа. Каждый день он давал себе слово познакомиться, но потом, видя ее в клубе с подругами, робел, молча протягивал билетки и густо краснел, не в силах заставить себя вымолвить хоть слово.

В мечтах он говорил ей о любви, ограждал и спасал от невообразимых опасностей, слышал ответные слова долгожданного признания, но... только в мечтах.

При клубе имелся маленький тир, и Сашка часами тренировался, воображая себя героем-пограничником или смелым красным бойцом, отражающим атаки японцев на озере Хасан. Жаль, Анеля не могла видеть, как метко он стреляет, кучно кладя пульки «в яблочко» – прямо в центр черного круга мишени. Может быть, тогда она изменила бы свое отношение к нему? Хотя о чем можно говорить, если они даже не знакомы?

И все же настал тот день, когда Тур решился. На майские праздники на демонстрации они оказались рядом в маленькой колонне комсомольцев, поздоровались, как старые знакомые, разговорились, и все оказалось на удивление просто, естественно и совсем не страшно. Потом он пригласил ее прийти вечером в кино, посмотреть фильм «Веселые ребята» с Орловой и Утесовым, но посмотреть не сидя в зале, а из будки кинемеханика. Анеля согласилась. С той поры они начали встречаться, считая потерянным каждый день, прожитый друг без друга. Вскоре работавшие вместе с Аней женщины, завидев у входа в банк коренастую фигуру в обтягивающей широкоую грудь полосатой футболке, с улыбкой говорили: «Смотри, твой пришел!» Анеля краснела и смущалась...

Сегодня после вечернего сеанса Сашка, как всегда, пошел провожать девушку домой. Сначала он проводил ее, потом она провожала его до поворота шоссе, потом снова он... так и припозднились. Стоя у калитки заборчика дома Браницких, Сашка обнял свою любовь, а она, смеясь, выскользнула из кольца его рук и притворно сердито грозила пальчиком:

– Вон милиционер едет, сейчас тебя заберут!

Сашка обернулся. Действительно, посередине улицы ехал на велосипеде милиционер, придерживая рукой прилаженный к рулю узелок.

«Чегой-то он в такую поздноту? – подумал Тур, провожая велосипедиста глазами. – Ездит, поцеловаться спокойно не дает».

– Хочешь, я тебе про все-все звезды расскажу? – удерживая собравшуюся уйти девушку, спросил Сашка. Как не хотелось расставаться, даже зная, что вновь увидишь ее завтра! Нет, почему завтра, уже сегодня – времени-то далеко за полночь.

– Смотри, какое небо! – обнимая девушку за плечи, повернул ее к себе. – Выбирай любую звезду, и она будет твоя. Насовсем!

– Спать пора, – она закрыла ему рот маленькой ладошкой. – Домой надо, мама сердиться будет.

– Спать? В такую ночь? Анеля!

– Нет, милый, все, до свидания, – привстав на цыпочки, она быстро чмокнула его в щеку, увернулась от неловких Сашкиных рук и юркнула в калитку, прикрыв ее за собой.

Он постоял, глядя, как мелькнуло на дорожке сада светлое платье – мелькнуло и исчезло за дверями дома. Поводил по мягкой теплой дорожной пыли носком сандалии, надетой по-монастырски, на босу ногу, потом повернулся и неторопливо пошел к себе.

По дороге, легко подпрыгнув, сорвал с ветки маленькое, еще незрелое зеленое яблоко. Надкусив, почувствовал, как рот наполнился кислым терпким соком. Плюнув, Сашка отбросил его и подумал, что надо бы написать матери подробное письмо, рассказать об Анеле. Пусть мама выберет время, приедет, поглядит на нее, не то начнешь тянуть с серьезным объяснением и прохлопаешь ушами свое счастье. Наверное, хватит ходить вокруг да около – так недолго и в старых холостяках остаться. Всех, кто старше двадцати пяти, Тур считал

глубокими стариками, которым, по большому счету, от жизни уже нечего ждать праздников...

* * *

Гнат Цыбух ворочался без сна на жестких тюремных нарах – какой сон в каталажке? Дернули же его черти так глупо залететь сюда, и теперь он только и мог, что вздыхать бессонными ночами да ждать, что приключится дальше.

А все она, проклятая Софка, во всем виновата! Гнат прикрыл глаза и явственно представил вдову Софью Полищук – кареглазую, с гибким станом и высокой грудью, легко идущую по тропке, словно царица, важно ступая маленькими красивыми босыми ногами. Из-за нее он, Гнат, совсем одурел, как мальчишка, покой потерял, запустил хозяйство. Да еще ревность одолела – крутился около Софки односельчанин Ивась Перегуда: парень справный, рослый и годами младше Цыбуха.

Так и начались между ними глухая вражда и соперничество. Бывало, сойдутся на деревенской вечеринке, до кулаков дело доходило, а то и колья из плетней начинали выворачивать, а хитрая Софка улыбалась то одному, то другому, показывая ровные белые зубы и лукаво щуря глаза.

Пока жили под поляками, жандармы плевали на драки, случавшиеся между белорусскими мужиками, но новая власть начала создавать колхозы, гонять самогонщиков и дебоширов, и в деревне объявился участковый уполномоченный – тощий кадыкастый Алешка Кулик, расхаживавший в форме и с наганом на ремне.

Поначалу Гнат его всерьез не принимал – ходит и ходит; шут с ним, с милиционером, – как жили, так и будем жить! Самогон он гнал в лесу, надежно запрятав в чаще маленькую винокурню, и в колхоз записался, как все, тем более что предложить из своей собственности общему хозяйству Гнату оказалось почти нечего. Он был вдовый, детей Бог не дал, скотины не держал, промышлял браконьерством и самогоном да работал, как и Ивась, на смолокурне.

На очередной вечеринке, подогретый выпитым самогоном, Гнат опять повздорил с соперником. Слово цеплялось за слово, потом засучили рукава, готовясь

обильно пустить друг другу дурную кровь. Остальные мужики в это дело не вмешивались.

Гнат – кряжистый, еще не старый, с толстой бычьей шеей и тяжелыми руками – вышел против Перегуды. Тот был стройнее, моложе и если уступал в силе, то брал ловкостью.

Уже успели крепко помять бока друг другу и разбить носы, как вдруг откуда ни возьмись объявился Алешка Кулик и потребовал прекратить драку, а когда его не послушали, смело влез между драчунами и с неожиданной для его тощего сложения силой растолкал их в стороны. Гнат набычился и попер на милиционера. С помощью мужиков драчуна посадили под замок в пустом амбаре – протрезвиться и остыть, а заодно подумать, стоит ли дальше бузотерить.

С той поры не стало Цыбуху житья от участкового. Пригрозил еще, что за самогонку к ответу призовет, что знает, мол, где он ее гонит. Это Гнату очень не понравилось, да и не в его характере спускать обидчикам унижения, а Кулик унизил, запер в амбаре да еще грозился. Ну поглядим, чей верх будет.

Потихоньку Гнату удалось стравить Кулика с Ивасем – тот еще молодой, норовистый, удержу не знал, потому отношения с людьми испортить ему проще простого. Вот тогда-то Цыбух и решил, что время для окончательных счетов настало: подкараулив, когда Кулик вечером ехал на своем велосипеде по лесной дороге, Гнат пальнул в него из ружья.

Недалеко, в низинке, раскинулась знакомая болотина – гиблое место, немереной глубины трясина, – сунуть потом туда участкового и его велосипед, и поминай как звали. Собственный план казался малограмотному Гнату верхом расчетливости. Однако получилось не так, как он думал: то ли рука дрогнула, то ли участковый чего почувствовал, но промахнулся Гнат. Проклятый Алешка соскочил с велосипеда, выхватил наган и пару раз пальнул в ответ по кусту, за которым прятался Цыбух. И у того пропала всякая охота к дальнейшей перестрелке. Скрывшись, он тут же утопил ружье в той самой болотине, посчитав, что так будет лучше. И не ошибся.

Кулик доложил о случившемся в город, приехали другие милиционеры, арестовали Гната и Ивася – все сельчане в один голос твердили, что только у них были причины стрелять в участкового.

Обоих отвезли в город, допросили и отправили в тюрьму. Как это там называлось по-милицейскому, Гнат не знал, однако раз на окнах – решетки, у стен – нары, а в двери был глазок и ее снаружи запирали, то – тюрьма.

Ружья не нашли – уже благо, но появились новые заботы. Первое, что сильно тревожило Гната: как бы милиция не дозналась о его прежних связях с националистами и прятавшейся до недавнего времени по лесам бандой. Дознаются – беда, с такими вещами нынешние власти шутить не любили. Им лазаря запоешь – враз пришьют политику, да еще докажут, что именно ты хотел подстрелить участкового.

Второе – возникли осложнения с сидевшими в камере уголовниками. Пришлось забыть прежнюю вражду с Перегудой и вместе с ним отбиваться от жаждавших поживиться за их счет блатных. Те пообещали прирезать при первом удобном случае, а Гнат пообещал им посворачивать шеи и для пущей убедительности показал громадный, поросший жестким черным волосом кулак.

Драки особой не было – ей не дали разгореться дежурные милиционеры, растащив по углам сцепившихся в клубок обитателей камеры, но опять, даже в этом замкнутом пространстве, возникла глухая вражда, опять спи вполглаза, жди пакостей от сокамерников, да еще день и ночь мучайся ожидающей впереди неизвестностью. Первые допросы он пережил, а дальше как?

Гнат тяжело вздохнул и повернулся на другой бок. Посмотрел на Ивася, тихо посапывавшего рядом, – спит, щенок, вины за собой не чует, имеет надежду вскорости домой вернуться, опять торить стежку к хате Софки. Навалиться бы сейчас на него, сонного, сдавить руками горло, да нельзя!

Чтобы не видеть Ивася и не тревожить себя несбыточными сейчас планами мести, Цыбух улегся на спину, закинул тяжелые руки за голову, полную беспокойных дум, и уставился невидящими глазами в доски второго яруса нар.

Поворот за поворотом в судьбе – вон, аж до каталажки докатился. Выбраться бы отсюда, да ноги в руки. А куда? – остановил он себя. – Не к германцу же податься за кордон: зачем он им, а они – ему? Тогда куда? Уйти в лес и жить там, подобно зверю? А Софку оставить Ивасю? Тоже не дело.

Вот и выходит: как мужик овцу ни ласкай, все одно у нее бабы титьки не вырастут! От думок уже все мозги поломал, но выхода никак придумать не удастся, словно заблукал в темной пуще, и кружит тебя нечистая сила, заводя то в бурелом, то в болотину, не давая выбраться на торную дорогу, ведущую к жилью человека.

Какие же, оказывается, долгие и тяжкие тюремные ночи! Раздражает храп соседей по камере, духота и вонь давно немытых тел, спертый воздух непроветриваемого помещения и еще запах дезинфекции – едкий, пропитывающий все насквозь. Урчало в голодном от тощей тюремной кормежки брюхе, не давали заснуть мерные шаги дежурного, гуляющего по коридору, ясно слышимый в тишине скрип половиц под его сапогами, а на душе так тошно, что хоть зубами грызи толстый деревянный брус стойки нар.

И на что ему дался этот мозгляк участковый? Испугался тогда, засуетился, наломал дров с перепугу, а надо, оказывается, выждать подольше, поглядеть, как все повернется. Может, стоило ягненком прикинуться, в доверие к Кулику пролезть, завести с ним пусть не дружбу, но приятельские отношения – неужели мужик с мужиком нормально сладить не смогут? Не бабы же, чтобы горшки у печи делить! Хотя зачем теперь сердце надрывать думами о том, как все могло бы сладиться по-иному, когда Алешка панует в деревне, расхаживая с наганом на пузе, Гнат вместе с Ивасем сидят в каталажке, а к Софке, может, какой другой мужик тайком пробирается ночью, чтобы стукнуть условным стуком в окошко вдовы. А у вдов, известное дело, – руки горячие, глаза незрячие, губы хмельные, а мысли шальные!..

Гнат заскрипел зубами от злости и снова повернулся на бок. Скоро, что ли, рассвет? Долго ему еще мучиться без сна?..

Глава 2

13 февраля 1941 года генерал-полковник Гальдер обсудил с генерал-инспектором инженерных войск генералом Якобом вопрос о вооружении инженерных частей, которые к началу лета должны иметь такое количество понтонно-мостового имущества, чтобы его хватило для обеспечения наступающих немецких войск переправами до рубежа рек Западная Двина –

Днепр включительно. На усиление группы армий «Центр» были специально выделены 23 саперных, 35 строительных, 12 мостостроительных и 11 дорожно-строительных батальонов[1 - Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933-1945. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. Т. 2. Приложение 23.].

К утру 22 июня группа армий «Центр» заняла исходное положение для решения поставленных перед ней задач. Саперы готовились наводить переправы для танков и пехоты...

* * *

Начальник штаба Западного особого военного округа генерал Климовских на основе анализа данных разведки в 2 часа 40 минут 21 июня 1941 года доносил начальнику Генерального штаба:

«Немцы летают и нарушают границу 20 июня с подвешенными бомбами; по докладу командующего Третьей армией, проволочные заграждения вдоль границы у дороги Августов, Сейны, бывшие еще днем, к вечеру сняты. В лесу шум моторов...»[2 - Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 34.].

* * *

В ночь с 21 на 22 июня народный комиссар обороны Союза ССР отдал командующим приграничных округов следующий приказ:

Военным советам ЛВО, ПриБОВО,

ЗапОВО, КОВО, ОдВО

Копия:

Народному комиссару Военно-Морского флота

21 июня 1941 года

1. В течение 22–23.06.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начинаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.06.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.06.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировав;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко – Жуков[3 - Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 69.].

В округах этот приказ был получен около часа ночи 22 июня. В 2 часа 25 минут командующие округами направили аналогичные приказы армиям. В приказе командующего Прибалтийским особым военным округом предписывалось:

«В течение ночи на 22.06.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды

выдать. В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать.

В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его...

Противотанковые мины и малозаметные препятствия – ставить немедленно»[4 - Архив МО СССР, ф. 221, оп. 3467, д. 39, л. 77-84.].

Эти приказы дошли до войск с большим опозданием...

* * *

Вагон дернулся, лязгнули сцепы, зашипел, окутавшись пухлым белым облаком отработанного пара, паровоз.

Гельмут недовольно поморщился – он не любил резких звуков. Они его раздражали, выводили из себя, заставляя тратить нервную энергию на то, чтобы раздражение не выплеснулось наружу. И потом, каждый резкий звук – проявление непорядка в каких-либо вещах, а во всем и всегда должен быть образцовый порядок.

Открыв дверь купе, Гельмут Шель вышел в пустой коридор – в такое время мало кто ездил по делам, почти все пассажиры сошли раньше.

Стоя у окна, он наблюдал, как состав медленно втягивался на станцию. Налетевший порыв ветра качал фонари, и желтые блики легли на каски цепочкой стоявших по всему перрону полевых жандармов. Тускло мерцали полукруглые тисненные бляхи, висевшие под воротниками их мундиров, карабины взяты к ноге.

Сейчас проверят документы, потом необходимые формальности, сменят паровоз и...

Что ждет его в конечном пункте назначения? С чем он вернется в Германию? С чем и когда вернется, через какой промежуток времени, сколько оборотов сделает земной шар вокруг собственной оси и сколь большое расстояние

пройдет он по орбите вокруг солнца? Сколько дней, недель, месяцев, лет отнимут у него бескрайние просторы России, и не поглотят ли они его, не растворят ли в себе, как уже растворяли и поглощали бесчисленные орды кочевников и полумиллионные полки Наполеона? Что встретит он там, на славянских землях?

Будущее скрыто мглой неизвестности, но оно совсем рядом, вот тут, только протяни руку – и ощутишь его так же близко, как рассвет, неизбежно должный прийти после этой, самой короткой в году, летней ночи. Какое оно, его будущее? Русские любят говорить – человек сам кузнец своего счастья. С этим нельзя не согласиться, поговорка дышит мудростью многих поколений. И вообще – такая ли загадка эти русские, как их представляют западные философы, литераторы и художники?

Гельмут не без оснований полагал, что он достаточно хорошо изучил русских – их язык, обычаи, привычки, образ мыслей, их литературу, искусство, культуру. Да-да, именно культуру! Он не разделял господствовавшей в рейхе официальной точки зрения, что у славян нет своей культуры.

Она есть и у русских, и у других славянских народов, что бы ни твердили с трибун для твердолобых низов, надевающих шинели рядовых вермахта и готовых идти в огонь в первых рядах. Наверное, им так легче идти вперед, считая, что они воюют с дикарями. Но он как человек широко и хорошо образованный, имеющий диплом одного из старейших в Европе университетов, где специально изучал славянские языки и историю, не должен уподобляться одетому в грубую солдатскую шинель болванчику, как бы этого ни хотелось рейхсминистру пропаганды.

Гельмут усмехнулся. Сколько веков прошумело над древней германской землей, сколько герцогов, курфюрстов, королей, министров она видела... И всем им служили своим оружием мужчины его рода – курфюрстам, королям, герцогам, министрам... или Германии?

Конечно, Германии, и только Германии! Если ее интересы не совпадали с интересами коронованных особ или министров, их просто убрали с дороги нации представители древних родов. Убирали любым способом, чтобы достичь высшего блага для Германии с другим королем или герцогом.

А что такое рейхсминистр пропаганды? Жалкий калека, лысоватый, колченогий, неумеренно сластолюбивый, словно напоказ всем демонстрирующий, что он тоже мужчина.

Другое дело Альфред Розенберг – заместитель фюрера по вопросам духовного и идеологического воспитания, генерал войск СС, глава внешнеполитического отдела НСДАП. Он долго жил на землях славян и знает их лучше, чем кто бы то ни было. Среди всех его титулов просто теряется скромная должность руководителя «хоэ шуле» – центра национал-социалистической партии по науке и воспитанию.

Фюрер назначил Розенберга на эту должность в 1940 году. И почти сразу же был создан «Эйзенштаб Розенберга», скрупулезно разработавший планы сохранения и захвата во всех оккупированных странах библиотек, музеев, частных коллекций и вообще всего того, что могло представлять собой художественную ценность. Розенберг прекрасно понимал: художественные ценности могут быть только у тех народов, которые имеют свою культуру!

Назначая Розенберга на пост, фюрер издал специальную директиву, в которой говорилось: «Планомерный идейный разгром евреев, масонов и связанных с ними идеологических противников национал-социализма представляет собой высшую необходимость... Поэтому я поручил рейхслейтеру Альфреду Розенбергу решить задачу в сотрудничестве с руководителями верховного командования вермахта.

Его штаб по руководству операциями на оккупированных территориях имеет право проверять библиотеки, архивы, масонские ложи и другие идеологические и культурные учреждения всех родов с точки зрения наличия в них соответствующих материалов и конфисковать эти материалы для использования при решении идеологических задач. Это указание распространяется и на культурные ценности, которые находятся в распоряжении или собственности евреев, либо не имеют хозяина, либо, наконец, их принадлежность должным образом не установлена. Инструкции о сотрудничестве с вермахтом издает руководитель верховного командования вермахта с согласия рейхслейтера Розенберга. Необходимые мероприятия на находящихся под германским управлением восточных территориях осуществляет рейхслейтер Розенберг».

Вскоре канцелярия Розенберга подготовила письмо об учете и детальной обработке культурных ценностей, научно-исследовательских материалов и

научных произведений, а также других работ из библиотек, научно-исследовательских институтов, архивов, музеев, церквей.

Во многие страны Европы заранее направлялись специально обученные люди: высматривать, что где имеется, какую представляет собой ценность, и составлять об этом подробнейшие секретные отчеты. Были созданы специальные зондеркоманды, включенные в состав тыловых частей вермахта. Сам Розенберг приказал одеть их в коричневую форму с соответствующими знаками отличия. Естественно, в аппарате «Эйзенштаба» работали многие сотрудники разведки и контрразведки национал-социалистической рабочей партии Германии – СД, центральный отдел безопасности которой возглавлял Рейнхард Гейдрих.

Здесь и пригодилось образование Гельмута Шеля, знатока славянских языков и славянского искусства. Теперь он стал заниматься музейными ценностями, а это всегда лучше, чем лезть под пули.

На востоке лежали огромные пространства, плодороднейшие земли. Мало завоевать их силой непобедимого германского оружия, необходимо еще навсегда удержать за собой завоеванное, превратив население в рабов, с ужасом и покорностью взирающих на представителей высшей расы, а рабы послушны только тогда, когда у них нет и никогда не может быть ни науки, ни культуры, ни своей истории!

Но сейчас они есть – наука, культура, история! Древняя культура, богатая история, многочисленная интеллигенция.

Задача сотрудников «Эйзенштаба» – изъять все это из времени и пространства! Причем так, чтобы ни память человека, ни безмолвные камни, которые под умелой рукой тоже могут заговорить, ни картины, ни книги – чтобы ничто не могло даже напомнить о давнем или недавнем прошлом целых народов. Народ без памяти и культуры перестает существовать, у него более нет истории, он сам умирает для истории, исчезает, растворяется и рассеивается во времени и в других народах.

Поэтому Гельмут видел впереди много работы – надо организовать, оценить, решить, что оставить, а что нет. Решить, что вредно для Германии, а что полезно...

Он вернулся в купе, присел на мягкий диван. В коридоре раздался звук шагов, потом, отодвигаясь, щелкнула дверь. На пороге стоял офицер пограничной охраны. Сзади него – два фельджандарма, а из-за спин настороженно выглядывал человек в штатском. Офицер вскинул руку в нацистском приветствии:

- Хайль! Прошу документы!

Штатский впился взглядом в Гельмута, опустившего руку в карман дорогого темного костюма. Шель достал бумаги и протянул их офицеру.

- Доброго пути, господин штурмбаннфюрер! – щелкнул каблуками пограничник, возвращая документы. Штатский и фельджандармы неслышно ретировались.

- Скоро отправляемся? – поинтересовался Гельмут.

- Через десять минут, – офицер козырнул и прикрыл дверь купе.

Шель закурил. Минуты прощания с родной землей почему-то вызвали у него чувство неясной тревоги, как на охоте, когда, встав на отведенное тебе егерем место, напряженно всматриваешься в густой сумрак леса и не знаешь – кто оттуда выйдет на тебя, поднятый загонщиками? Выскочит под выстрел трусливо прижавший уши заяц, выбежит гордый олень с украшенной ветвистыми рогами благородной головой или вылезет из чащобы разъяренный кабан?

Хорошо бы вернуться домой к осени, когда плывет по саду горьковатый дымок сжигаемых листьев и хрустит под сапогом первый тонкий ледок на лужах.

Вагон тихо качнуло, поплыли назад станционные строения, перрон, на котором группами стояли фельджандармы, закончившие проверку, мелькнул большой плакат на стене: «Айн фолк, айн райх, айн фюрер!» – «Один народ, одно государство, один вождь!» Кончилась Германия. Теперь пойдут земли бывшей Польши, ныне – генерал-губернаторства.

Гельмут взглянул на часы – пошел уже третий час ночи. Он снял пиджак, аккуратно повесил его на плечики – скоро опять придется надеть форму и натянуть сапоги. Что ж, стоит немного вздремнуть, потом станет не до сна...

* * *

Предутренняя темнота загустела, начала отдавать зябким холодом росы, обещавшей скорый рассвет. Где-то у коновязи назойливо трещал сверчок, то замолкая, то вновь выводя свою незамысловатую песенку; за бревенчатой стеной конюшни хрустели овсом лошади, тяжело переступая копытами, – мирные звуки, негромкие, по-деревенски домашние.

Начальник заставы молча пожал руки Денисову и Глобе, хлопнул ладонью по чисто вымытому капоту грузовичка, потом привычно посмотрел на него, как будто провел по крупу лошади, проверяя – не осталось ли в шерсти пыли. Ничего не увидев в темноте, смущенно убрал руку за спину.

– Утром будете на месте. Машина хорошая, правда, не легковая... Так вы не забудьте, товарищ капитан, как Глоба вас доставит, сразу отправляйте его назад. Не обессудьте, Александр Иванович, – не по уставу обратился он к Денисову, – людей у меня не так много, да и машина...

Капитан понимающе кивнул и начал устроиваться в кабине рядом с Глобой, севшим за руль. Приоткрыв дверцу, он успокоил начальника заставы:

– Не волнуйся, никуда твой сержант не денется, при штабе не оставлю.

– А я и не волнуюсь, – немного обиженно отозвался пограничник, – он и сам не захочет. Правда, Глоба?

Тот, не ответив, тронул машину с места. Часовой открыл ворота. Оставляя за собой шлейф почти не видимой в сумраке зарождающегося утра пыли, грузовик, переваливаясь на ухабах, покати к городку.

Подпрыгивая на пружинящем сиденье, Денисов думал о событиях последних суток – почему все случилось именно так, а не иначе? Человек, пришедший с той стороны, умер от ран, толком ничего не успев сказать. Отдал брезентовый пояс с папкой и гранатами – вернее, его сняли с него, – прошептал слова пароля, даже здесь, среди своих, желая точно удостовериться, что отдает документы в надежные руки, и умер. Денисов позвонил начальнику разведотдела, доложил о случившемся. Выслушав Александра Ивановича, начальник помолчал, а потом

попросил поторопиться с доставкой бумаг. Буднично сообщил, что на всей линии границы беспокойно, слышен рев танковых моторов, а из Москвы уже несколько раз звонили, справлялись о связном, беспокоились – они там очень ждут доставленные материалы. Очень! На всякий случай капитану необходимо запомнить пароль для связи с центром...

Положив трубку, Александр Иванович вернулся в комнату, где на столе все еще лежало накрытое солдатской простыней тело связного. Постоял около него, прощаясь с бойцом, отдавшим жизнь, чтобы спасти тысячи других, потом надел фуражку и спустился во двор, куда Глоба подогнал заправленный грузовичок...

Что же произошло там, на немецкой стороне? Неужели нашелся предатель в одном из звеньев сложной цепочки ячеек подпольщиков-антифашистов, передававших друг другу связного, провожая его до границы? Или сам связной, продвигаясь в приграничной полосе, случайно наткнулся на немецкие секреты? Нет, на случайность мало похоже. Судя по развернувшимся событиям, связного ждали, причем на определенном участке, где находилось законсервированное «окно». А вдруг ждали не его, вдруг это все же случайность, но совершенно другого рода, говорящая об ином – плотность немецко-фашистских войск в приграничной полосе такова, что погибший просто чудом сумел прорваться на нашу сторону? Тогда получалось, что немцы действительно готовятся к нападению.

От таких мыслей тревожно сжалось сердце, словно ощутило холодок смертельной опасности: неужели у порога стоит страшнейшая война? Мелькнуло в голове: хорошо, семью не привез. Они так далеко отсюда, так далеко, что не смогут достать немецкие самолеты. Мелькнуло и тут же пропало, заслоненное другим: надо срочно доставить бумаги и доложить обо всем. Пусть и его рапорт станет еще одной песчинкой, способной перетянуть чашу весов там, наверху, где решается вопрос о выводе регулярных частей Красной армии ближе к границе, – если слышен рев танковых моторов, причем уже не первую ночь, если летают почти над головами немецкие самолеты с подвешенными бомбами, если немцы сняли ограждения...

Денисов потуже затянул на себе ремень с тяжелой кобурой ТТ и пощупал надетый под гимнастеркой брезентовый пояс с черной кожаной папкой и гранатами. Покосился на Глобу, уверенно вертевшего баранку большими, загорелыми, привычными к любой работе руками.

Лицо сержанта оставалось спокойным – он что-то негромко мурлыкал себе под нос, совсем как старинные ямщики, скрашивавшие заунывной песней долгую однообразную дорогу по бескрайним российским просторам.

Спросить, о чем он думает, каково его мнение о происходящем – мнение человека, постоянно живущего на границе и охраняющего ее? Или не стоит отвлекать, порождать вопросами лишнее беспокойство, вселять неуверенность? Пожалуй, не стоит.

Попетляв, пыльный проселок вывел к повороту на старое, мощенное булыжником шоссе, ведущее к городку. Шоссе было узким – едва разъехаться двум встречным машинам, – но построено крепко, на совесть. По краям росли стройные березы и старые корявые липы, широко раскинувшие ветви, покрытые густой листвой. Выехав на пригорок, с которого еще была видна застава, Глоба притормозил, собираясь посигналить, как это обычно делали все водители-пограничники, уезжавшие в город, но передумал и просто помахал из окна кабины рукой, словно его прощальный привет могли увидеть оставшиеся.

Свернули и покатали по шоссе, щупая дорогу лучами фар, вырывавшими из темноты белые стволы берез и темные, с поперечной известковой полосой, стволы лип, вцепившихся корнями в откосы кювета. Дорога, как всегда, успокаивала, настраивала на определенный лад, мысли текли ровнее, заботы отходили вдаль, и только немного тревожило то, что ждало впереди, в конце пути. Денисов опять пощупал под гимнастеркой брезентовый пояс и легко коснулся плеча сержанта:

– Не переживай, к обеду вернешься.

Глоба в ответ повернул к капитану загорелое скуластое лицо и улыбнулся...

* * *

– Последнее танго нашего вечера! Дамы приглашают кавалеров! – подражая известному конферансье, Вовка надул щеки, опустил диск пластинки на иглу патефона и уселся на стул, всем своим видом показывая, с каким нетерпением он ждет, чтобы его пригласили.

– Разрешите?

Антон, сидевший на диване, поднял глаза: перед ним стояла девушка в простеньком светлом платье. Пышные тяжелые волосы были сколоты сзади в тяжелый пучок, и от этого она выглядела старше.

Танцевать не хотелось – он только недавно вернулся домой, мама покормила его на кухне, сообщив, что непоседливый Вовка опять собрал шумную компанию однокурсников. Сегодня хотели пойти в Театр имени Вахтангова, на премьеру драмы Лермонтова «Маскарад» в постановке Тутышкина и с музыкой Хачатуряна, но... Разве достанешь билеты на премьеру в шумной Москве? Тогда Вовка предложил отправиться к нему домой и устроить танцы под патефон.

– Слава богу, соседи на даче, – наливая чай, ворчала мама, – не то им эти полуночники покоя бы не дали.

– Не серчай, – поймав ее руку, Антон прижался к ней щекой, – молодые, энергия выхода требует, лето началось, а сессия заканчивается. Пусть танцуют, завтра воскресенье, выспимся.

– Ты у меня, Антоша, тоже не старик, а вот козлик под патефон не скачешь, – мама недовольно поджала губы. – И тебе надо отдохнуть, устаешь на работе.

– Ничего, – Антон допил чай и встал. – И я с ними посижу немножко.

Тихо войдя в комнату, он устроился на диване и, никем не замеченный, стал рассматривать приятелей и приятельниц младшего брата. Эту девушку он заметил сразу – она понравилась ему загадочным выражением серо-зеленых глаз, стройной фигуркой, легкими движениями в танце. И вот она стоит перед ним, приглашая на «последнее танго».

– Не хотите? – она лукаво улыбнулась.

– Нет, что вы, – немного смутился Антон. Он встал, подал ей руку, вывел на середину комнаты и заметил, как остальные пары расступились, давая им дорогу.

- Сейчас будет класс! - шепнул Вовка другу.

Положив руку на гибкую талию девушки, Антон повел ее в танце, отметив, как чутко она ловит каждое его движение, не топчется на месте, а именно танцует - свободно, плавно, чуть улыбаясь и лукаво прищурился глазами.

- Прекрасно танцуете, - она сняла невидимую пылинку с лацкана его пиджака.

- С такой партнершей, - ответил Антон незамысловатым комплиментом.

- Вы правда воевали с белофиннами и награждены? - неожиданно спросила девушка.

- Почему возник такой вопрос? - он недоуменно поднял брови.

- Вовка хвастался, что его старший брат - орденосица.

- Я этому болтуну уши надеру, - шутливо пригрозил Антон.

- Меня зовут Валентина. Валя Сорокина.

- Антон Иванович Волков. Можно просто Антон, - он слегка склонил голову. А то получится как-то официально.

- Знаете, о чем он поет? - Валя кивнула на патефон. Сладкий тенор пел танго на немецком языке.

- О дожде и разликах, - улыбнулся в ответ Волков, - о стуке капель по крышам мансард, в общем - о любви...

Мелодия кончилась, пластинка зашипела, ребята захлопали в ладоши, аплодируя танцорам.

- Аргентина! - крикнул Вовка. - Я же говорил, что будет класс!

Антон подвел смутившуюся Валентину к дивану, сел рядом с ней, и тут же на валике дивана оказался Вовка. Наклонившись к брату, он заговорщицки прошептал:

- Слушай, сделай одолжение?

- Говори.

- Время позднее, метро закрыли, трамваи не ходят...

- Не тяни, - поторопил старший, - ближе к делу. Пора пляски кончать, пока соседи по площадке не пришли. Поздно уже, загулялись. И родные спать хотят, а у них дети.

- Во, а я об чем? - засмеялся Вовка. - Ребята девушек пойдут провожать, а Валечка у нас без кавалера. Проводишь?

- Если дама разрешит, - Антон посмотрел на Валю.

- Ой, да что вы, не надо, - порозовела она, - до Молчановки рукой подать, сама добегу.

- Ничего, - вскочил Вовка, - он проводит. Ребята, по домам!..

Из подъезда вывалились шумной толпой, но быстро разобрались по парам и пошли в разные стороны. Уходя вместе с Валею, Антон отметил, что братишка провожает темноволосую девушку, кажется, по имени Люба. Вот и незаметно вырос младший, уже девушек провожает, а он, должный заменить ему отца, никак не найдет времени для серьезного разговора - то командировки, то дела, то самого Вовку где-то носит по студенческим делам. Летит время. Но, может быть, завтра поговорить?

К Молчановке шли тихими пустыми улицами. В стороне Бульварного кольца, скрытый от них темными домами, прогремел запоздавший трамвай. Или не запоздавший, а самый первый - небо уже стало бирюзовым, гасли звезды, потушили фонари, и появилось ощущение, что ты волшебной белой ночью шагаешь по проспектам и набережным Северной Пальмиры.

Трамвай снова задрезжал, ломая сказку раннего утра, и затих вдали, оставив еще не проснувшегося городу звук пробуждающегося дня.

Заметив, как Валя зябко передернула плечами, Антон накинул на нее свой пиджак.

- Какой большой, - запахиваясь в него, засмеялась девушка, - а на вас кажется маленьким. Скажите, Антон, вы военный?

- Опять странный вопрос, - поддерживая ее под локоть, улыбнулся Волков. - Вовкины фантазии?

- Ну, тогда спортсмен. Вон какие широченные плечи.

- Да нет же, - смутился Волков, - не военный и не спортсмен, а обыкновенный инженер. Только и всего. Разочарованы?

- Почему? Совсем нет. А с финнами вы правда не воевали, и вас не ранили, не награждали орденом? Значит, Вовка все врал?

- Ну, наверное, не совсем, - попытался защитить младшего брата Антон.

- Не-е-ет, - она выпростала из-под пиджака руку и погрозила пальчиком. - Он любит приврать, но профессора твердят, что ваш брат очень способный. Его хотят в аспирантуре оставить. Знаете, как он про вас рассказывал? У меня, говорит, есть старший брат, старый, важный и очень серьезный. Вот! А сегодня я вас увидела и узнала, что он все врет! Вы совсем не такой, не старый и не важный... Дальше не ходите, не надо. Спасибо!

- Почему?

- Ну, не стоит, - она отвернулась. - Не обижайтесь, но так лучше.

- Как скажете, - пожал плечами Волков.

- Обиделись? Не отнекивайтесь, я же вижу... Хотите правду? Знаете, почему меня никто не провожал? Потому что у нас во дворе ребята драчливые, уже двум

проводным досталось, вот Вовка вас и уговорил, а то остальные боятся по шею получить.

- А я не боюсь! Пошли, поглядим на арбатских драчунов.

Они пошли по старому переулку, мимо дома со львами у парадного, мимо домика, в котором родился Лермонтов; около афиш, расклеенных на стене, Валя остановилась.

- Не сердитесь, это я попросила Вовку объявить дамский танец.

- Я не сержусь, - улыбнулся Антон. - Что вы делаете завтра, вернее, сегодня? Ведь уже воскресенье... Смотрите! - он повернул ее лицом к афишам. - Можно поехать в оранжерею Центрального дома Красной армии, можно в Ботанический сад МГУ, можно в парк имени Дзержинского - там новый летний театр, а на «Водном стадионе» открывают пляж с речным песком!

- Не умею плавать, - улыбнулась Валя. - В Большом вечером дают «Ромео и Джульетту». Попробуем?

- Обязательно! У вас есть телефон?

- Есть. Вовка знает номер. Звоните. До свидания!

Он смотрел ей вслед, удивляясь, как легко и быстро несли ее тонкую фигурку с откинутой назад головой красивые стройные ноги. Мелькнуло у дверей парадного светлое платье, стукнула дверь... Все.

Шагая обратно, Антон решил сегодня же серьезно поговорить с братом. Что за дурацкая болтовня в институте, зачем он разыгрывал комедию с провожанием девушек, из-за которых намыливают шею проводным? Десять скоро, а все, как пацан, игрушки на уме! Впрочем, если бы однокурсники брата отличались большей смелостью, то не удалось бы познакомиться с Валей - нет худа без добра!

Выйдя на бульвар, Волков бегом догнал трамвай, вскочил на подножку, не обращая внимания на недовольное ворчание сонной пожилой кондукторши,

купил билет и сел на жесткую лавочку у окна. Небо порозовело, стало уже не бирюзовым, а голубым, прозрачным.

Наверное, арбатские драчуны видят сейчас десятый сон, приминая кулаками подушки. Вернулся ли Вовка? Вот он с ним сегодня разберется, а то даже про возможность остаться в аспирантуре старшему брату приходится узнавать случайно. Разве это дело?

Незаметно Волков задремал, склонив голову на грудь. Кондукторша, по-матерински жалея своего единственного раннего пассажира, старалась потише дергать шнурок звонка, давая вагоновожатому сигнал к отправлению, и не выкрикивала названия остановок – умаялся, сердечный, пусть поспит.

Антону Ивановичу, которому было тридцать лет от роду, снился цветной прекрасный сон: блистающий огнями Большой театр, обитые малиновым бархатом кресла и Валя в белом, похожем на подвенечное, платье...

* * *

Один из арбатских драчунов – Костя Крылов, примяв тощую солдатскую подушку, сладко посапывал и видел во сне свой залитый ярким солнечным светом двор и маму, развешивающую на растянутых веревках белье. Дул порывистый ветер, белье развевалось и хлопало, как флаги на Первомай...

Уже скоро год, как Костя стал красноармейцем и учился в школе связистов. Впереди выпуск, назначение в часть, увольнение в город. На занятиях ему было легче, чем остальным, – еще в школе Крылов серьезно увлекался радио, ходил в кружок при Доме пионеров, где сначала собирал детекторные приемники, потом более сложную аппаратуру, втайне надеясь, что именно ему удастся поймать тихую морзянку с Северного полюса и сообщить всему миру о терпящем бедствие ледоколе или попавшей в беду отважной экспедиции. Хотелось прославиться, как прославился недавно один из радиолюбителей, поймавший сигналы дирижабля Нобиле. А если вообще – поймать сигналы с других планет?!

Но мечты оставались мечтами. Правда, ему удавалось налаживать устойчивую связь с далекими городами, растягивая антенну по всем комнатам большой коммунальной квартиры или залезая для этого на чердак, из-за чего не раз

случались неприятности с управдомом, не желавшим ничего слышать о сигналах с Марса или с Северного полюса.

Управдома Костя считал крайне ограниченным человеком, не смыслившим в радиотехнике и начисто лишенным любых романтических чувств. Зато Валька Сорокина его понимала. Они жили по соседству, знали друг друга с детства, и Костя был тайно влюблен в нее, хотя и не очень одобрял ее увлечения балетом и танцами.

Однажды он увидел Валентину в сопровождении молодого командира с эмблемами медицинской службы в петлицах. Почему-то ему стало очень неприятно видеть их вместе, но потом выяснилось, что это ее дядя, Юрий Алексеевич, приехавший в отпуск. Военврач оказался нормальным дядькой, гонял с ребятами в футбол, рассказывал о службе на Дальнем Востоке, а потом вдруг исчез. Валя объяснила, что он получил назначение и срочно уехал к месту службы.

И опять все пошло своим чередом – школа, радиокружок, походы всем двором в кино на «Чапаева», футбол. Как-то один из приятелей Кости по школе похвастался, что записался в аэроклуб, и начал посматривать на всех свысока. Тогда Крылов пошел в парк, купил билет и решился прыгнуть с парашютной вышки.

Чем он хуже приятеля? Пусть за этот прыжок не дадут значка, но надо же себя когда-нибудь попробовать, проверить – действительно ли ты готов к труду и обороне?

Сначала лезть на вышку было совсем не страшно, потом начали предательски дрожать коленки, а на самом верху и вовсе захватило дух, но Костя старался не показывать виду. Инструктор приладил на нем лямки снаряжения и легонько подтолкнул к краю площадки. И тут ноги словно налились свинцом, люди внизу показались мелкими букашками, и сделать последний шаг, отделяющий от пропасти, стало почти невозможно. Но он преодолел себя и, зажмурившись, прыгнул.

Ничего страшного не произошло – дернули лямки, натянулись стропы, и парашют плавно опустил его в заполненную опилками яму. Правда, земля, вернее, опилки больно стукнули по подошвам, но это такая ерунда – в детстве

куда страшнее прыгать в снежные сугробы с обледеневшей крыши сарая.

Испытав себя, Костя записался в секцию парашютистов при аэроклубе. Дважды прыгнул с дирижабля, но потом узнала мать, пожаловалась отцу, и тот строго-настрого запретил «лазить под небеса» – суровый родитель, работавший мастерским на заводе, одобрял увлечение сына техникой, но к авиации или парашютам допускать не захотел.

Призывная комиссия учла знания Крылова, и он попал в школу военных радиотов, расположенную в тихом пригороде Москвы.

Вскакивать по команде «подъем», одеваться за считанные секунды и ходить строем Костя научился быстро. Только часто скучал по дому, родителям, веселой соседке Валентине. Скоро выпуск, присвоение звания младшего сержанта войск связи и новое место службы. После армии Костя твердо решил пойти работать на радиозавод и поступить в техникум или даже в институт. Только когда это еще будет? А пока он видел во сне свой двор, залитый ярким солнечным светом, и маму, развешивающую белье...

Тихо ступая, по коридору казармы прошел дежурный офицер, ответил на приветствие дневального и посмотрел на часы – сколько осталось до подъема?

Его со вчерашнего дня непрерывно мучила надоедливая зубная боль, а идти к врачу не хотелось. И он тянул до последнего, надеясь, что боль пройдет сама собой, затухнет, избавив его от необходимости садиться в кресло дантиста, представлявшееся чуть ли не электрическим стулом.

Часы показывали пять ноль-ноль. Было раннее утро 22 июня 1941 года.

* * *

Волков проснулся сразу, как от толчка в плечо, – трамвай поворачивал, проехали Сретенский бульвар, скоро его остановка. Энергично потерев ладонями лицо, он ощутил на щеках жесткий ежик щетины – успела отрасти за ночь. Надо побриться, вернувшись домой, а потом еще раз вечером, чтобы прийти к Вале на свидание свежевыбритым, слегка пахнущим одеколоном.

Он вышел из вагона. Где-то не спали, из открытого окна слышался плач ребенка, но на улицах еще безлюдно.

Шагая через две ступеньки, Антон взбежал к дверям своей квартиры, хотел позвонить, но потом передумал – мама, наверное, уже легла, зачем ее беспокоить, – и достал ключ. И тут двери неожиданно распахнулись, и Волков с удивлением увидел встревоженную мать, которая, похоже, и не собиралась ложиться.

– Почему не спишь? – проходя в прихожую, спросил Антон.

– Антоша, красноармеец приходил, тебя срочно вызывают, – мать прислонилась спиной к двери. Губы ее задрожали, лицо сморщилось от едва сдерживаемых, готовых пролиться слез.

– Давно? – он быстро прошел в комнату, распахнул дверцы платяного шкафа и достал форму.

– Минут десять как ушел, говорил, срочно, – повторила мать, стоя на пороге комнаты. – Опять надолго, сынок?

– Не знаю, мама, не знаю, – натягивая сапоги, ответил он. – Согрей мне, пожалуйста, воды быстренько, побриться надо.

– Сынок, а это не война? – держась одной рукой за сердце, а другой за косяк двери, тревожно спросила мать.

– Не знаю! – Волков встал, притопнул, наклонился и подтянул голенища сапог. – Вовка вернется, скажи, чтобы никуда не уходил, обязательно меня дождался. Я приеду или позвоню.

В ванной, торопливо соскребая перед зеркалом со щек щетину, Антон вдруг заметил, как мелкой предательской дрожью подрагивают пальцы, держащие бритву. С чего бы это? И почему он решил надеть форму, как-то сразу подумал о ней, хотя постоянно ходил на службу в штатском?

Что могло случиться за время его отсутствия? Ведь его отпустили до десяти утра. Когда уходил, все было как обычно, и вдруг неожиданный вызов, причем даже не по телефону, а с нарочным.

Наскоро обтерев остатки мыльной пены полотенцем, он плеснул в лицо одеколоном, оделся и, обняв на прощание маму, вышел, на ходу надевая фуражку со звездочкой.

Подходя к станции метро, Антон бросил взгляд на часы – шесть утра воскресного дня 22 июня 1941 года...

Глава 3

В четвертом часу утра 22 июня вражеская артиллерия начала сильный обстрел войск, расположенных в приграничной зоне. Одновременно линию государственной границы Союза ССР пересекли немецкие группы разграбления и отряды по захвату переправ и уничтожению пограничных постов. Немецкая авиация перелетела границу и сбросила бомбы на воинские гарнизоны, аэродромы, железнодорожные узлы, мосты и другие объекты. Бомбовые удары обрушились на Гродно, Белосток, Волковыск, Барановичи, Бобруйск, Минск...

Внезапные удары вражеских бомбардировщиков причинили большой урон советской авиации, особенно истребительной. В течение 22 июня на аэродромах было уничтожено 528 и в воздухе 210 самолетов...

Из журнала оперативных записей

Главного управления пограничных войск

НКВД СССР:

22 июня 1941 года

4 часа 15 минут. Донесение из Кишинева: начался обстрел из пулеметов с румынской стороны 5-й заставы 24-го пограничного отряда. 3-я застава

подверглась нападению. 11-я и 12-я заставы 5-го погранотряда подверглись обстрелу...

4 часа 15 минут. Из Львова: на участке 91-го погранотряда пограничные наряды вели бой с группами противника, пытавшегося перейти границу...

4 часа 30 минут. В бой с противником вступили все линейные заставы.

4 часа 50 минут. Немцы после артподготовки в районе Пархача перешли в наступление. На участке 97-го погранотряда нападение отбито. На остальных участках идет артиллерийская стрельба и пулеметный огонь. В данное время с воздуха бомбят Владимир-Волынский и Любомль. Приняли оборону...

5 часов 00 минут. Из Таллина: два батальона немцев перешли в наступление, но в трехстах метрах на нашей территории были остановлены...

6 часов 00 минут. На участке 105-го погранотряда немцы начали наступление на Палангу при поддержке артогня. Паланга горит. В районе Паланги идет бой...

6 часов 40 минут. На границе Белоруссии противник перешел границу на всех участках. В некоторых местах углубился до 4-х километров. Местечки и города бомбардирует. Сведения получаем по гражданским проводам...

6 часов 50 минут. На участке 25-го погранотряда через мост у села Фельчиул перешло до взвода противника.

7 часов 00 минут. На участке 92-го погранотряда пехота противника ведет бой с нашими пограничниками; 90-й погранотряд вошел в подчинение командования Красной Армии. Полки 87-й с.д. заняли рубежи.

8 часов 10 минут. Немцы продолжают артобстрел Владимир-Волынского на участке 92-го погранотряда. 7-я застава окружена противником. Перемышль горит. В штабе 2-й комендатуры пять человек, ведущие бой. Из них двое ранены.

8 часов 30 минут. На участке 98-го погранотряда германские части форсировали реку Буг. На участке 24-го погранотряда атакована 4-я застава. Атака отбита. Захвачен в плен немецкий офицер.

10 часов 00 минут. На участке 98-го погранотряда к границе подошли и вступили в бой части Красной Армии...

12 часов 00 минут. На участке 23-го погранотряда группа противника перешла мост в районе Липканы. Окопалась на нашей территории, но была нами отброшена за мост...

В половине шестого утра 22 июня генерал Павлов отдал боевое распоряжение командующим армиями: ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий необходимо поднять войска и действовать по-боевому...

Из заявления советского правительства

по поводу вероломного нападения

фашистской Германии:

22 июня 1941 года

...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие... Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия договора...

Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей...

Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства...

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

* * *

Алексей Кулик выехал на пригорок и остановился. Нет, он не устал крутить педали велосипеда, хотя уже отмахал порядочный кусок дороги к дому, и не собирался останавливаться, чтобы любоваться открывающимся видом – речкой, нежно-зелеными вербами, отражавшимися в ее спокойной глади, дорогой, причудливо петлявшей в перелесках...

Ничего не увидишь в предутренней мгле – ни ленты реки, ни перелесков, ни дороги. Зато далеко разносятся звуки! Потому Кулик и остановился, что за перелесками, где стояла его родная деревня Белая Гута, слышались выстрелы. Кто может стрелять?!

Милиционер слез с велосипеда, настороженно поворачиваясь в сторону далекой еще деревни то одним, то другим боком, чутко прислушался. Неужели слух обманывает его, неужели ему, утомленному бессонной ночью и дорогой, почудилось? И с чего бы мужикам в деревне ни свет ни заря открывать пальбу из ружей?

Из-за леса донесся грохот взрыва, еще, еще... Потом гулко заухало, раздались звонкие хлопки – Алексей еще не знал, что это звук выстрелов танковых пушек. Дробно, тяжело застучали очереди дегтярева – красноармейского пулемета, ему ответил приглушенный расстоянием треск автоматов.

«Что же это? – вытирая рукавом гимнастерки покрывшийся холодным потом лоб, не на шутку испугался участковый. – О маневрах не сообщали. Тогда – в о й н а?!»

Словно спохватившись, он передвинул на поясе кобуру с наганом, чтобы оружие было под рукой, и заторопился к деревне, налегая на педали старенького велосипеда. Он не думал, что его наган – ничто против танков и пушек, что ему

не остановить лавину железа и огня, ринувшуюся через границу, не закрыть грудь родных. Он хотел видеть все собственными глазами, быть там, в гуще событий, скорее очутиться рядом с домом, семьей, односельчанами.

«Может, все-таки провокация? – съезжая под горку, успокаивал он сам себя. – Ведь печатали в газетах про договор с немцами! И ТАСС обещало... А этих провокаций сколько уже было... Постреляют да успокоятся, отвалят опять к себе, ведь уже бывало так? Бывало! Может, и сейчас? Вон, вроде затихло...»

Но сердце билось в груди тревожно и глухо, словно в предчувствии огромной непоправимой беды, подрагивали пальцы рук, сжимавшие руль, и спина стала мокрой – хоть снимай и выжимай гимнастерку.

Через сотню-другую метров Алексей почувал запах свежей гари – недалеко бушевал сильный пожар. Ошибиться участковый не мог: каждый деревенский житель хорошо знал этот горький запах беды, запах сгоревшего жилья.

Замедлив ход велосипеда, он съехал к обочине, снова прислушался – милицейская служба приучила к осторожности, а первый безрассудный порыв уже проходил, уступая место холодной яростной собранности. Чуткое ухо привыкшего к охоте Алексея уловило гул, похожий на звук работающих моторов тракторов – их Кулик уже видел в Восточной Белоруссии, когда ездил в Минск, премированный за отличную службу краткосрочным отпуском.

Но откуда здесь, в бедных районах Полесья, недавно воссоединившихся с родной землей, взяться тракторам? Тут сельсоветы-то появились не так давно, только-только начали колхозы создавать, а еще надо осушать болота, распахать бывшие панские земли. Трактора, правда, обещали дать, но ведь пока их нет!

Алексей закинул на плечо раму велосипеда и на всякий случай свернул в лес – он и укроет, и оборонит, поможет и поддержит. В такой ситуации, пожалуй, лучше держаться от большой дороги в стороне.

Отыскав высокую толстую сосну, он прислонил своего двухколесного коня к раките, присел и начал разуваться. Сейчас он взберется наверх и оттуда посмотрит, что происходит впереди, – так надежнее. Ухватившись руками за нижний сук, милиционер подтянулся, упираясь в шершавую кору пальцами

босых, распаренных в сапогах ног и, обнимая ствол, полез наверх.

Наверху он выбрал сук понадежнее; покряхтывая от напряжения, выпрямился на нем, прижавшись боком к стволу. Поймал равновесие и поглядел на запад.

Там, по большаку, упирающемуся в шоссе, по которому он только что ехал, ползли танки. Впереди них, поднимая клубы желтоватой в предутреннем свете пыли, чертиками неслись мотоциклы разведки. За танками нескончаемой колонной тянулись грузовики с пехотой.

Алексей попытался разглядеть, что нарисовано на танковых башнях – звезды или кресты? Танки какие-то незнакомые, угловатые, таких он отродясь не видел: неужели немцы, неужели и вправду война?

Вниз он спускался, не чувствуя боли в ободранных ладонях. Им завладела мысль о доме – что с родной хатой, с семьей, что с односельчанами? Скорее! Надо собрать их, увести в лес – ведь немцев скоро погонит Красная армия, а мирное население, не по своей воле попавшее в полосу военных действий, может понести жертвы, появятся убитые и раненые, а в деревне старики, женщины, малые дети.

Торопливо встряхнув портянки, он намотал их на ноги, натянул сапоги, кинулся к своему велосипеду, брошенному у ракиты... и застыл, не в силах отвести глаз от лесной прогалины. Прямо на него, неторопливо разматывая катушку с проводом, шли два немца!

В сдвинутых на затылок серо-зеленых пилотках, в расстегнутых мундирах, закинув карабины за плечо, они деловито, как на своей земле, тянули линию связи, по-хозяйски вбивая колышки и весело переговариваясь.

Первым шел высокий солдат с белесым, выгоревшим на солнце чубчиком. Он ловко орудовал саперной лопаткой, срубая тонкие деревца, снимал со стволов лишние сучки и вгонял колышки-рогатки в землю. Под его расстегнутым мундиром виднелась тощая, докрасна загорелая грудь, прикрытая сиреневой майкой.

Второй шел следом и на горбу тащил большую катушку с проводом. Помахивая тонким прутиком, он сшибал головки лесных цветов.

Именно это почему-то очень больно ужалило сердце Кулика, и сразу стали до дрожи ненавистны наглая хозяйская обстоятельность фашистов и прущее от них чувство безнаказанности, присвоенного права топтать все своими короткими сапогами.

Холодная ярость охватила Алексея. Он тихо отступил за куст, не глядя нащупал застежку кобуры и вытащил оружие. Ощувив в руке привычную тяжесть нагана, немного успокоился – надо, чтобы они не заметили его раньше времени, не успели опомниться, поднять тревогу.

Спокойно, как в тире, он поднял оружие и прицелился. Повел стволом по груди немца с белесым чубчиком, поймал в прорезь прицела сиреневую майку, хорошо заметную под расстегнутым кителем. Потом перевел ствол на второго немца, проверяя, как быстро сможет и его взять на мушку после выстрела по идущему впереди.

До сегодняшнего дня Кулику ни разу не приходилось стрелять в людей, но сомнений и неуверенности не было – перед ним враги, и он, принявший милицейскую присягу, должен их встретить как подобает. Алексей не успел даже подивиться своей спокойной уверенности, прежде чем нажал на спусковой крючок.

Выстрел показался ему негромким хлопком в ладоши. Немец с белесым чубчиком недоуменно остановился, побледнел и, выронив саперную лопатку, кулем осел в мягкую лесную землю, примяв телом траву. Второй судорожно схватился за карабин, сдергивая с плеча зацепившийся за погон ремень оружия, но не успел...

Настороженно осматриваясь, участковый вышел из укрытия. Тихо, только громче защебетали испуганные звуком близких выстрелов лесные птицы да где-то в стороне назойливо трещали мотоциклетные моторы.

Так, карабин ему, пожалуй, не помешает – с одним наганом да двенадцатью патронами к нему, поскольку два уже пришлось потратить на незваных гостей, много не навоюешь. Надо взять оружие убитых, снять с них подсумки с патронами и, наверное, стоит забрать документы?

Но, как оказалось, стрелять во врага было легче, чем подойти к убитым. Немного потоптавшись на месте, Алексей, не выпуская из рук оружия, шагнул на поляну. Неизвестно откуда прилетевшие мухи уже сели на белобрысого немца и ползали по нему, облепив желтоватое, словно восковое, ухо. Подавив приступ внезапной тошноты, Кулик сделал еще несколько шагов и остановился.

Со стороны дороги донесся стрекот мотоциклов, громкий, приближающийся. Тяжело заурчали моторы грузовиков, преодолевавших ухабы. Резанула короткая пулеметная очередь.

Кулик бросился прочь – сейчас не до трофеев, вот-вот могут появиться новые, многочисленные враги, которых из нагана не перестреляешь. Схватив велосипед, он побежал к неприметной лесной тропинке – врагам она неизвестна, а деревенские хорошо знали этот путь к жилью.

Тропинка крутила хитрые петли между стволами деревьев, ныряла под низко опущенные ветви раскидистых кустов, спускалась в сырые лесные овражки и вновь взбиралась на косогоры, выводя прямо к броду через речку, а там и родная деревенька рядом.

Вскочив на велосипед, Алексей покатил по тропинке. Вот как пришлось ему покинуть поле своего первого боя, на котором он одержал первую в этой войне победу, – удирает, скрываясь от превосходящих сил противника. Ну ничего, он еще вернется, припомнит им все сразу – и хозяйский вид, и поруганную землю, и срубленные деревца!

Велосипед подпрыгивал, переваливаясь через вылезшие на тропинку корни деревьев, сырая земля мягко пружинила под старенькими, латаными-перелатаными шинами. Аккуратно и твердо придерживая руль, Алексей вдруг заметил, что узелок с гостинцами для домашних Пети Дацкого где-то потерялся...

* * *

Прекрасный сон закончился совершенно неожиданно. Только что снилась жена, заботливо подсовывающая мягкую подушку под голову, и вдруг ухнуло, закачало...

Взрывы словно подбросили Дацкого, задремавшего на жестком деревянном диване в зале госбанка. Он открыл глаза и увидел себя сидящим на полу. Стекла дребезжали, за окнами что-то ревело и стонало, земля жутко вздрагивала от падавшей на нее невероятной тяжести.

«Неужто?» – дальше подумать Петр не успел.

Шибануло так, что он кубарем откатился в сторону. Как щепка, отлетел в другой угол зала большой деревянный диван. В воздухе тут же повисла густая завеса известковой пыли, плотная, похожая на туман.

Пошатываясь, Дацкий поднялся, ощущая предательскую дрожь в коленях и противный солоноватый привкус крови во рту – видно, падая, прикусил губу или разбил лицо. Голова тупо болела, все тело казалось ватным, а в ушах звенело – тонко, по-комариному назойливо.

Петр засунул в уши пальцы и помотал головой, пытаясь избавиться от надоедливого звона. Мыслей не было, так – пустая апатия и одно желание, чтобы скорее перестало ухать и звенеть. Но когда он вынул пальцы из ушей, звук стал громче. Неужели это звонит телефон? Работает? Не может быть! Ладонями разгоняя перед собой известковую пыль, висевшую в воздухе, Дацкий пошатываясь пошел к телефону, неведомо как уцелевшему на столе управляющего среди обрушившихся с потолка кусков штукатурки.

– Алло, слушаю! Говорите!

– Дацкий?! Ты живой? – раздался в трубке голос дежурного по райотделу НКВД.

– Я? – почему-то удивился Петр, как будто спрашивали не его. Но потом, спохватившись, быстро ответил: – Живой! Что происходит, почему взрывы? У меня тут потолок обвалился.

– Немцы бомбят! – закричал дежурный. – Исполком разбит, так дали, что все здание разом рухнуло. Рядом с нами тоже бомба упала... Петя! Слышишь? Ты не отключайся! Немца скоро погонят от границы или задержат. Но надо на всякий случай ценности вывозить. Слышишь?

– Слышу, – вздохнул Дацкий: поездка к семье опять откладывалась на неопределенное время – вполне возможно, что очень надолго.

– Начальник приказал! – надрывался дежурный, пытаюсь перекричать шумы на линии и грохот взрывов. – В банке ссуды для колхозов, деньги на закупки продукции. Соображаешь?!

– Семья у меня в Белой Гуте осталась, с границей рядом, – прервал дежурного Петр, надеясь у него хоть что-нибудь узнать.

– Какая семья?! – разозлился тот. – Там уже немцы! Ценности спасти надо от врага, это приказ, понял?! Сейчас к тебе Баранов кого-нибудь из работников банка доставит, мы его отправили по адресам, а ты организуй там все, добудь транспорт и отправляйтесь на восток. Смотри, чтобы не пропало...

– Где транспорт? – закричал Дацкий. – Откуда взять, алло, слышишь?

Но в трубке внезапно наступила полная тишина – ни шорохов, ни писка, ни треска, как будто наушник сделан из цельного куска самой твердой породы дерева.

Чертыхнувшись, Петр бросил трубку на рычаги аппарата. Видно, перебило где-то линию, а чинить ее сейчас просто некому – не то время для ремонта, есть дела важнее.

Услышав за окнами характерный вой пикирующего самолета – опыт в таких вещах появляется крайне быстро, – он ничком упал на пол и прикрыл голову руками. Снова заухало, застонало, в грохоте разрывов бомб беззвучно посыпались осколки стекол, чудом уцелевшие после первого налета немецкой авиации. Тяжело бухнуло, здание вздрогнуло, жаркая, душная волна тугого воздуха прошла над лежавшим на полу милиционером, вдавливая его в грязный паркет. Что-то трещало и ломалось, искореженное ударной волной; хрустнули перекрытия, но старое здание устояло, выдержало.

Дождавшись, пока все стихнет, Дацкий поднялся, привычно отряхивая галифе и гимнастерку. Осмотрелся – весь пол был усыпан осколками стекла, окна зияли пустыми проемами, через которые уже начал вползать кислый удушливый дымок взрывчатки и гарь пожаров.

Подняв фуражку, Петр сбил с нее пыль и надел на голову. Такие, значит, дела. Смены, надо полагать, не будет ни на сегодня, ни на последующие дни. Как с семьей, тоже неизвестно. Остается надеяться, что они живы и здоровы, схоронились в лесу или отсиживаются в погребе – зачем немцу тратить бомбы на бедную полесскую деревеньку? Хотя шут их знает, этих фашистов, от них всякого можно ожидать. Интересно, успел Алешка Кулик передать родным гостинцы? Или лежит он сам теперь где-нибудь около дороги, по которой идут немецкие танки... Лежит, прижавшись щекой к щедро политой собственной кровью родной земле, раскинув руки, словно силясь в последний раз обнять ее всю...

Вон оно как все поворачивается – еще ночью балакали о каких-то мирных пустяках и служебных делах, а утром пошло-поехало... Глядишь, если бы уговорил Кулика задержаться, остаться здесь, то был бы он сейчас цел, не попал бы в самое пекло около границы, где идут серьезные бои – зря, что ли, немцы на самолетах летают, сбрасывая бомбы? Что же будет дальше: где взять транспорт, как, не имея ключей, открыть хранилища банка, чтобы вывезти деньги и ценности? И опять же, народец кругом разный живет, советской власти здесь двух лет еще не сравнялось – ну как найдутся охотники поживиться за государственный счет в начавшейся неразберихе? И сколько таких может отыскаться – один, два, десяток? Если один или, скажем, трое – это ерунда, имеется для них наготове заряженный наган, а если толпой да с оружием? Алешка ночью про диверсантов и шпионов говорил, кто знает, вдруг они и тут объявятся?

Услышав, как забарабанили во входную дверь, Дацкий невольно вздрогнул: неужели он дурными мыслями уже накликал лихо на свою невезучую голову? Расстегнув кобуру, он достал наган, взвел курок и направился к двери. Если что, то двери врагу не сломать, а кто полезет в окна, тех он постреляет. Конечно, сначала предупредит, как это положено по уставу, а только потом пальнет. Но надо ли в такой ситуации соблюдать написанный до войны устав? Можно ведь и самому пулю схлопотать как нечего делать.

В дверь снова застучали, послышались возбужденные голоса.

– Кто там? – подняв наган, спросил Дацкий.

– Петро? Открывай! Это я, Баранов!

Облегченно вздохнув – стрелять ему совсем не хотелось, – Петр засунул наган в кобуру и схватился за засов.

– Сейчас!

Однако он не поддавался – перекошенные взрывом двери просели, толстое дерево филенок треснуло, но не развалилось, и засов намертво зажало. Промучившись несколько минут, Дацкий подошел к окну и высунулся наружу. Увидел стоящих внизу Баранова и кассира Браницкую в перемазанном сажей светлом платье.

«Нашла чего надеть, – подумал Петр, – с гулянки, что ли, только вернулась?»

– Эй, давайте сюда! Не открываются двери, – крикнул он им.

Подав руку, помог влезть сначала Баранову, а потом они оба втащили Анелю, крепко зажавшую ключи в маленьком кулачке.

– Ой, Петр Никитович, чего делается! – отряхивая платье, сразу затараторила она. – Город горит, на нашей улице бомба упала, такая ямища осталась, а стекла все повывлетали.

– Ты тут глянь! – остановил ее Баранов.

Девушка с ужасом оглядела зал банка, засыпанный осколками стекла, запорошенный известковой и кирпичной пылью, заваленный кусками обвалившейся с потолка и стен штукатурки. Разбитые столы, поднятый на попа тяжелый деревянный диван для посетителей, сломанные стулья, поваленный барьер, за которым обычно сидели сотрудники, – страшно видеть все это, еще вчера такое чисто прибранное, протертое, вымытое...

– Телефон? – хрустя подошвами туфель по осколкам стекла, Анеля подбежала к столу управляющего, подняла трубку, немного подержала ее около уха и разочарованно опустила. – Не работает!

– Выйдешь – город не узнаешь, – понизив голос, рассказывал Баранов. – Исполкома нет, только груды дымящегося щебня, дома горят, и никто не тушит,

на западе грохочет, пушки бьют, моторы ревут, даже здесь слышно. Жуть! Все адреса обегал, едва живой остался в этом аду, хорошо, Анелю нашел, у нее ключи есть.

- А транспорт? - прямо спросил Дацкий. - Где взять машины?

- Весь личный состав в деле, - проходя к лестнице, ведущей к хранилищам, отозвался Баранов. - Машину начальник приказал реквизиловать. Любую, какая попадется. Браницкая, открывайте хранилища! Будем вытаскивать и грузить.

- Ну, Анеля, - поторопил девушку Петр, - чего стоишь? Ждать нечего. Давай, открывай!

- Езус Мария! - Анеля прижала ладони к пылающим щекам. - В чем же мы деньги повезем? Знаете, сколько их? И на чем везти?

Дацкий на секунду задумался и махнул рукой:

- На втором этаже мешки были. Правда, старые, завезли на тряпки - полы мыть, но сгодятся. В красном уголке скатерть большая на столе, можно узел сделать.

- Правильно! - поддержал его Баранов. - Еще ларь деревянный возьмем, в котором уборщица свое добро хранит... В общем, открывай и начнем грузиться.

Дацкий побежал за мешками, а Браницкая и Баранов пошли к хранилищам. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Петр услышал, как в небе снова завывали немецкие самолеты.

- Ложись! - закричал он, падая на ступеньки.

Загрохотали взрывы. Что-то с металлическим звоном лопнуло там, куда он бежал, зашипело, разбрызгивая неестественно белые искры.

На город, почти скрытый дымом пожаров, зашла новая волна бомбардировщиков. Они пикировали и взмывали в небо с диким ревом, кассетами разбрасывая фугасные и зажигательные бомбы. Одна из них угодила в здание банка.

Рядом с лежащим на лестнице милиционером брызнуло огнем. Вскочив, он прикрыл рукавом лицо, вбежал в горящую комнату, схватил мешки и кубарем скатился вниз по лестнице.

Баранов и Браницкая охапками выносили из хранилища деньги и документы.

– Горим, – бросая на пол мешки, сообщил Дацкий, – надо тушить.

– Некогда, весь город горит, – отмахнулся Баранов. – Лучше помоги деньги складывать... Да и разве мы втроем потушим?

Тревожно оглядываясь на валивший со второго этажа дым, Петр начал запихивать в мешки пачки денег. Глаза щипало – то ли от дыма, то ли от набегающих слез, голова болела и кружилась, урчало в пустом животе; сваленная прямо на полу груда денег и банковских документов, казалось, никогда не поместится в мешках и деревянном ларе. Один мешок пришлось расплосовать на лоскуты, чтобы завязывать другие, уже туго набитые деньгами.

– Скорее, там разгорается, – подскочил Баранов. – Прыгай за окно на улицу, я буду мешки выбрасывать. Карауль их да гляди, не поедет ли какая машина. Останавливай, а то не выберемся...

Дацкий вскочил на подоконник и спрыгнул на улицу. Баранов начал бросать мешки. Оглядываясь по сторонам, Петр складывал их в кучу. Мимо пробежал рыжий парень в полосатой футболке и сандалиях, надетых на босу ногу. Дацкий ловко поймал его за рукав:

– Стой! Кто таков?

– Тур я, завклубом, – вытирая тыльной стороной ладони грязь со лба, сообщил парень. – Сашка Тур. Не узнали?

– Куда бежишь? Что в городе? – уже спокойней спросил милиционер. И попросил: – Помоги, видишь, имущество эвакуируем.

– Некогда, – отмахнулся Сашка, – я к военкому, считаю себя мобилизованным! А в городе все разбомбило. И пограничников, и милицию вашу... – и он убежал.

– Во скаженный! – сердито сплюнул Петр.

Что же делать теперь, где взять машину? Зачем Туру врать, что милицию разбомбили? Наверное, так оно и есть, и никто не уцелел, иначе давно бы прислали людей на помощь. А пограничники? Они раньше всех должны были знать о нападении, скорее всего, они встретили врага на границе и теперь пытаются сдержать до подхода регулярных частей Красной армии. Но сколько они еще продержатся – час, два? И когда подойдут регулярные части?

Надо искать машину, но где? Бежать к шоссе нельзя – на кого оставишь мешки с деньгами? И еще неизвестно, что творится на шоссе, ведущем с востока на запад. Правда, теперь вернее было бы говорить: с запада на восток. Подаваться к зданию райотдела тоже бесполезно... Эх, дурья голова, надо было попросить шустрого завклубом сказать военкому – тот обязательно чем-нибудь помог бы. Но, с другой стороны, – как сказать этому шептуну малому о таких деньгах? Вдруг болтнет кому от глупости или похвастается важным поручением.

Пока Петро раздумывал, Баранов выкинул из окна последний мешок. Отплевываясь и протирая глаза, слезившиеся от дыма, густо повалившего из окон банка, он и сам спрыгнул вниз. Подставил вытянутые руки и поймал выпрыгнувшую следом Анелю.

– Ну чего? – поправив пояс с кобурой, спросил он у Дацкого. – Как с машиной?

– Все так же, – буркнул Петр. – Ждите, пойду поищу, может, еще ездит кто...

Он не успел отойти и на десяток шагов, как в конце улицы показалась зеленая пыльная полторка. Ловко объезжая воронки от бомб, она катила прямо на вставшего посреди проезжей части милиционера.

– Стой! – подняв руку, закричал Дацкий. – Стой!

Машина резко затормозила и остановилась, почти упершись радиатором ему в грудь. Открыв дверцу, из кабины высунулся злой скуластый сержант-

пограничник:

– А ну, геть с дороги!

Рядом с ним в кабине сидел бледный капитан в зеленой фуражке, напряженно всматриваясь в лица милиционера и сержанта, переводя глаза с одного на другого. Сержант держался за руль одной рукой, а другой нашаривал что-то у себя на поясе.

Уйти с дороги? Ну нет! Дацкий понимал: как только он отойдет, сержант тронет с места, и потом жди, пока появится другая машина. И появится ли вообще? Поэтому Петр положил ладони на капот и как можно миролюбивее спросил:

– На восток?

Сержант досадливо дернул плечом, недовольный непредвиденной задержкой.

– Уйди добром! – попросил он.

Дацкий, не снимая рук с капота, ведя ладонями по пыльным бокам машины, подошел к кабине со стороны капитана.

– Возьмите наш груз! Очень важно!

– Отойди от машины! – закричал сержант, но Петр уже рванул на себя дверцу кабины: если сержант такой несговорчивый, то надо попробовать договориться с капитаном.

Открыв дверцу, Дацкий замер: капитан не мигая смотрел на него, наставив ему прямо в живот ствол ТТ.

– Назад! – каким-то деревянным голосом приказал он.

Петр решил рискнуть. Не обращая внимания на пистолет, хотя от страха сосало под ложечкой: а ну как странный капитан-пограничник нажмет на спусковой крючок? – он снова попросил:

– Товарищи, деньги у нас большие! Приказ есть вывести, помогите!

– Что он говорит? – не оборачиваясь и не опуская оружия, спросил капитан у водителя. – Не понимаю.

– Громче кричи, – устало опускаясь на сиденье, посоветовал сержант Дацкому. – Контузило его маленько, слышит плохо.

– Деньги! Три миллиона! – заорал Петр и для убедительности показал на пальцах. – Вывезти!

– Зачем кричите? – убирая пистолет, поморщился пограничник. – Сколько вас, трое? Тогда будем считать, что каждый отвечает за миллион. Проверьте, Глоба!

Сержант шустро выскочил из кабины и кинулся вместе с Дацким к мешкам, но бдительный Баранов развязывать их не позволил, а приоткрыл крышку деревянного ларя. Заглянув в него, Глоба сдвинул на затылок зеленую фуражку и присвистнул:

– Тю, миллионеры...

– На погрузку даю пять минут, – тоном, не терпящим возражений, приказал капитан. – Помогите им, сержант. И скорее, а то опять начнут бомбить.

Быстро побросав в кузов мешки и перевалив через борт ларь с деньгами, милиционеры и Браницкая влезли в кузов. Глоба сел за руль.

– Ставлю задачу, – громко объявил капитан, – пробиваться в сторону Минска. Нигде не останавливаться, в разговоры с посторонними не вступать, соблюдать воинскую дисциплину. С этой минуты считайте себя бойцами специального отряда войск НКВД. Трогай, Глоба!

Из горящего города выезжали впятером. Стлался дым пожаров, громыхало со всех сторон, в небе гудели моторы чужих самолетов. Пробираясь между разрушенными домами, объезжая воронки и кучи кирпича, полуторка выбралась на проселок и запылила по нему на восток.

А с запада в городок медленно вполз первый немецкий танк – черный, угловатый, с белым крестом на башне. Он настороженно поводил в разные стороны стволом орудия...

* * *

Рассвет пришел в камеру с воем бомб и дымом пожаров. Когда загудели в небе невидимые самолеты и земля задрожала от разрывов, Гнат забился в уголок нар и стал тихо творить молитву. Обеспокоенные обитатели камеры не обращали на него внимания – они сгрудились у окна, силясь подтянуться, уцепившись за решетки, и выглянуть во двор: что стряслось на воле?

Торопливо протопали по коридору сапоги охраны, потом жутко грохнуло, и все повалились на пол. Стены закачались, словно при землетрясении, начали рушиться крепкие, на совесть сколоченные из толстых досок нары, и Цыбух ящерицей юркнул в сторону, прижался к полу рядом с вонючей парашей и, не обращая внимания на мерзкий запах, молил всех богов только об одном: чтобы кончился поскорее этот кошмар, чтобы перестала ходуном ходить земля, чтобы не рухнула на них крыша, похоронив всю братию под обломками. Но ухать и стонать продолжало, удары становились все сильнее, и наконец ударило так, что Гнат потерял сознание, провалившись в грохочущую пустоту.

Пришел он в себя оттого, что его трясли за плечи. С трудом подняв словно налитые свинцом веки, Цыбух увидел лицо Ивася, показавшееся ему самым родным, ангельски прекрасным.

– Гнат! – тормозил его односельчанин. – Гнат?!

– М-н-у-у... – простонал Цыбух, поднимая голову. Ивась вытер тыльной стороной ладони сочившуюся из носа кровь и радостно улыбнулся:

– Живой?

В камере было странно светло и прохладно. Откуда-то налетал свежий ветерок, несущий запах пожарищ, на зубах скрипел не то песок, не то крошки известки. Ухватившись за плечо Ивася, Цыбух сел и огляделся.

Угол камеры рухнул от взрыва близко упавшей бомбы, и теперь странно торчащие из стен, похожие на кости балки перекрытия темнели на фоне безоблачно голубого неба, затянутого дымом. В коридоре никто не бегал, не топал сапогами, не кричал, не заглядывал в глазок двери. Оглушенные взрывной волной заключенные потихоньку приходили в себя, поднимались с пола и смотрели на развороченную стену, за которой ждала с широко раскрытыми объятиями желанная свобода.

– Скорее! – свистящим шепотом приказал один из уголовников, которого обитатели камеры признавали за старшего в своем тесном противоестественном мирке. – Поглядите, что там!

Сидя на полу, Гнат настороженно наблюдал, как Щур – так звали уголовника, отдавшего приказ, – по-кошачьи прокрался к двери камеры и подергал ее, пробуя, не откроется ли. Дверь не открывалась. Тогда другие, помогая друг другу, выстроили живую пирамиду, как дети в клубе на праздники. Лысый приятель Щура взобрался на спины стоящих внизу и выглянул в проем.

– Ну?! – поторопили его.

– Пусто! Ворота разбиты, горит все, – отозвался тот и спрыгнул.

– Эй, – обратился Щур к Гнату и Ивасю, – давайте сюда! Смываться, так всем. Становитесь внизу на четвереньки.

Не желая вызывать ненужных сейчас конфликтов, Гнат послушался. Следом за ним опустился на четвереньки над проломом Ивась. Почувствовав на своем плече больно наступившие на него чужие ноги, Цыбух только прикрывал. Наконец наступать на спину перестали.

– Давайте руки! – слышался голос сверху.

Один из уголовников, сидя верхом на грозившей обрушиться стене, протягивал им руку, чтобы помочь вырваться наружу. Первым вылез Ивась, за ним тяжело выбрался Гнат.

Спрыгнув во двор, он огляделся. Город горел, в небе мелькали хищные силуэты чужих самолетов; большей части здания, в котором размещалась тюрьма, не было – его словно разрезало взрывом на две половины: неровно, чуть наискось, жутко обкромсав края. С другой, противоположной от них стороны тюрьмы вырывались вверх красно-желтые языки пламени и валил черный дым.

Заклученные жалкой кучкой сгрудились во дворе, не решаясь идти дальше, хотя ворота превратились в кучу искореженных железных прутьев.

– Может, там кто из ментов убитый? – несмело предположил лысый уголовник. – Шпалером бы разжиться.

– Дуй к улице, – приказал ему Щур, – погляди, как там.

Лысый, боязливо ежась, трусцой побежал к воротам, далеко стороной обходя свежую воронку; выглянул из-за обломка стены.

– Никого! – обернувшись, он призывно помахал рукой.

– Пошли! – скомандовал Щур.

Все это Гнату не нравилось – взрывы, пожары, побег из камеры через пролом под потолком. За свою жизнь он видел здесь и царских жандармов, и немцы уже приходили, и красные конники, и поляки, и опять немцы, и вновь красные. Смены властей приучили к осторожности, скрытности и осмотрительности в словах и поступках – надейся только на себя, от других помощи ждать нечего.

Опять же совсем неизвестно, что на уме у треклятой уголовной братии – Цыбух помнил их угрозы и потому не собирался оставаться рядом с ними надолго. Ну их к бесу! В свою сторону подастся, ежели отсюда выберутся, а с этими ему не по пути. Поэтому, проходя мимо кучи железа, разорванного силой взрыва в спирали, он нагнулся и подобрал кривой обломок прута, незаметно запихнув его в рукав телогрейки, – так надежнее.

Ивась, шагавший впереди, ничего не заметил. Он вертел головой, опасаясь, что кто-то из охраны мог уцелеть и теперь, прищуря глаз, нацелиться им в спины.

Гремела близкая канонада, со стороны солнца на городок заходили новые волны самолетов, в воздухе висела пыль и кислый запах взрывчатки, смешанный с гарью. Улица была пуста, небольшая площадь в конце ее тоже. Там догорало какое-то здание – при поляках в нем размещалась управа, вспомнил Гнат; посредине проезжей части лежала убитая лошадь и разбитая телега. И ни души, словно все разом вымерло.

– Так, братцы арестанты, – длинно сплюнув, начал Щур. – Давайте решать, кто куда.

«Братцы арестанты» понуро молчали, переминаясь с ноги на ногу, настороженно поглядывая по сторонам, – им не нравилось решать такие вопросы прямо здесь, недалеко от проклятой тюрьмы, где они провели кто день, кто месяц, а кто и больше. Хотелось разбежаться и, как тараканы, забиться по щелям.

– Туда, – махнул рукой на восток Щур, – я не иду. Кто остается со мной?

Помедлив немного, рядом с ним встал лысый, потом еще несколько человек. Особняком остались стоять Цыбух, Ивась да два «додика», как презрительно звал их в камере Щур. Один – близорукий мужчина, вроде бы проворовавшийся председатель артели, – недоуменно спросил:

– Но тут же бомбят! Война, наверное?

– Желаете к своим? – недобро сузил глаза Щур. – Нам они на Колыме пайку выделяют, а мы вам здесь отмерим!

Шагнув вперед, он ловко ударил близорукого бухгалтера в зубы. Тот упал.

«Все, началось! – похолодел Гнат. – Сейчас и нам как. Этот гад подмять под себя всех хочет, сразу показать, кто теперь хозяин».

Неожиданно за близорукого вступился Ивась. Его крепкий кулак угодил Щуру прямо в переносицу, и тот, отлетев на несколько шагов, завалился в придорожную канаву. Не долго думая, Гнат вытянул из рукава прут и рубанул им по плечу лысого уголовника, отмахнулся еще от кого-то, потом дернул за рукав Ивася и побежал мимо разбитой телеги через маленькую площадь, на которой

догорало здание бывшей управы. Слышал, как бежит следом Ивась и еще кто-то...

Свернув в тихий проулок, Гнат остановился, привалился плечом к забору и перевел дыхание. Обернувшись, увидел Ивася и того, близорукого председателя артели, с припухшими разбитыми губами и носом. Больше никого не было.

- Закурить бы, - сипло прокашлялся Цыбух. Его собственный кисет с самосадам остался в камере под рухнувшими нарами.

- Вот, пожалуйста, - близорукий вытащил из кармана пиджачка мятую пачку папирос. Закурили.

- Ну, теперь чего? - глотая табачный дым, мрачно спросил Гнат. Он действительно не знал, что дальше делать, куда податься, разве до дому?

- Вам спасибо, - слегка поклонился близорукий, - ваша любезность...

- А-а, - отмахнулся Ивась. - Ты куда сейчас? Не бойся, говори, мы драться не станем.

- Домой, - просто сказал бывший председатель. - Куда же еще? Надо узнать, как там, а потом уже решать.

- Верно, - одобрил Цыбух. - Но зря шастать по улицам не стоит: в такое время ни за понюх табаку пристрелить могут. Особливо, ежели немцы в город придут. Когда войска в город входят, самое милое дело от них первое время подале держаться.

- Это так, - согласился близорукий, - но немцы - культурная нация, не наши босяки. Однако предосторожность тоже не лишняя. Всего доброго! - попрощался он. - Мне пора.

- Нам тоже пора в деревню. Ты как? - Гнат поднялся и поглядел на Ивася. Куда он наладится? Теперь про старую вражду лучше пока забыть - односельчане как-никак, друг дружки держаться надо.

– Пошли, – согласился тот.

Больше не сказав друг другу ни слова, трое мужчин разошлись в разные стороны. Один, прижимаясь к заборам, побрел по направлению к центру городка, а двое других, переждав, пока проедет мимо и скроется в дыму запыленная зеленая полуторка с двумя пограничниками в кабине, начали пробираться к шоссе, ведущему на запад...

* * *

Военврач Сорокин – бледный, осунувшийся, с воспаленными глазами – как привязанный ходил по коридорам за секретарем райкома Ярошем. Ничего не говорил, не просил, не убеждал, только ходил, и все. Ярош в кабинет, к дребезжащему телефону, – и военврач за ним. Ярош туда, где жгли документы, не подлежавшие эвакуации, – и Сорокин за ним, как тень, как немой укор. Ходил и ходил, второй час подряд. Наконец Ярош не выдержал:

– Слушай, – он взял Сорокина за портупею. – Нет у меня машин! Понимаешь? Нет! Видишь, что творится? – он повернул военврача лицом к окну.

Стекла мелко дрожали от близкой канонады. В стороне, над лесом, вертели смертельную карусель самолеты.

– И подвод нету, – горестно вздохнул Ярош, – и времени нету!

– А у меня много раненых, – высвободился Сорокин. – И вы обязаны помочь вновь поставить их в строй!

– Слушай, сынок, – Ярош потянул его за собой через приемную к дверям кабинета. Привел к столу и предложил стул. – Сядь! Я сейчас столько всего должен, – он взял лист бумаги и ручку, – что голова кругом идет. Архивы обкома застряли здесь, а их надо вывезти, семьи парработников надо вывезти, ценности надо вывезти. Оборудование надо вывезти...

Не переставая говорить, он набросал несколько торопливых строк и промакнул записку большим деревянным пресс-папье. Достал из кармана френча баночку с завинчивающейся крышкой, отвинтил ее, бережно вынул печать и приложил к

своей подписи.

– На, – протянул он Сорокину бумагу, – даю тебе право мобилизовать для доставки раненых машины, подводы, любой транспорт. Пойди по дворам, поговори с людьми, они тебе помогут, не откажут Красной армии... Доставишь раненых на станцию, транспорт направь сюда.

– А как же?..

– Мне он тоже вот так нужен, – провел ребром ладони по своим густо поседевшим усам Ярош, – понимаешь ты это? Что? – повернулся он к вошедшему в кабинет военкому.

Тот, не отвечая, взял со стола графин с водой, приник пересохшими, потрескавшимися губами к горлышку. Пил жадно, делая большие глотки и обливаясь. Капли воды катились по его пыльной гимнастерке с рубиновыми шпалами на петлицах, сворачивались в шарики и скатывались на пол, покрытый слоем черного ломкого пепла сожженных бумаг.

– Станцию разбомбили. Всю, – оторвавшись наконец от горлышка графина, хрипло сказал он. – Танками прет, гад! Части генерала Русиянова еще держат фронт. Связь с Минском есть?

– Нет, – тихо ответил Ярош и, помолчав, грустно добавил: – Еще несколько дней назад мне казалось, что до него очень далеко, до Минска-то. А теперь... Людей собрал?

Военком молча кивнул, опять запрокидывая графин. Напившись, поставил его на край стола и устало опустился на свободный стул. Щелкнул портсигаром, доставая папиросу.

– Станция Вязники цела. Она восточнее и немного в стороне от нас. Там эшелон под парами. Может, туда повезем?

– Слыхал? – обратился к Сорокину секретарь райкома. – Давай, сынок, добывай транспорт, проси у людей помощи и гоните на Вязники. Иди, доктор, время дорого.

Юрий Алексеевич кивнул и пошел к выходу. Он не успел сделать и двух шагов, как двери распахнулись и в кабинете появился бледный капитан в зеленой пограничной фуражке.

- Нет у меня машин, - опережая его, быстро сказал Ярош.

- Что? - переспросил пограничник, напряженно глядя на губы секретаря райкома. - Ах, машины... У меня есть, даже две. Это кто? - он посмотрел на военкома.

- Военком, - удивился Ярош. Что за странный капитан, почему спрашивает? До границы отсюда далековато, как здесь очутился, зачем?

- У меня особо ценный груз, я - капитан Денисов. Нужна охрана, охраны для груза нет. И... дайте воды, пожалуйста!

Сорокин предупредительно подал ему графин и смотрел, как пограничник жадно припал к его горлышку, совсем как несколько минут назад военком. Напившись, Денисов вынул из кармана несвежий носовой платок и вытер губы. Расстегнув пуговицу на кармане гимнастерки, подал секретарю райкома удостоверение:

- Вот документы!

Ярош взял, повертел и недоверчиво покачал седой головой.

- Ты что же, пограничник, почитай, из-под самого Белостока едешь? Далекو забрался. Как же тебе удалось прорваться?

- Надо! - лаконично ответил Денисов.

Военком подал ему стул, с уважением поглядев на вырвавшегося из самого пекла человека в пыльной форме капитана погранвойск НКВД.

- Что вывозишь, капитан? - возвратив документы, спросил Ярош.

- Особо ценный груз, секретный.

– Документы на него есть? – насторожился Ярош. Что еще за секреты? Сейчас не то время, чтобы в райкоме секреты разводить, напускать таинственности.

– Документов нет, – вздохнул Денисов. – Денег у нас полна машина, больше трех миллионов возем из банка. А людей – я сам, мой сержант да два милиционера. И еще девушка, кассир из банка.

– М-да, – военком потер ладонью небритый подбородок. – Лихо! А везете куда?

– До Минска. По своим делам мне торопиться надо. Может, примете миллионы? Сдам и поеду. Время не терпит.

– А во второй машине что? Тоже деньги? – заинтересовался Ярош. Это надо же, три миллиона капитан вывез из-под самого носа у немцев. Силен!

– Ящики из ювелирных магазинов, золото, побрякушки всякие, – Денисов снял фуражку, пристроил ее на колено, провел рукой по лицу, словно стирая с него налипшую паутину. – Народец, который машину сопровождал, растащил чего успел по мелочи, да и разбежался. Расстрелял бы я их как мародеров, да никого уже не было, а машина оказалась на ходу, сам веду. Спать хочу смертельно!

– Та-а-ак, – протянул Ярош, – теперь еще и целый госбанк с ювелирным магазином! Чудеса... Подожди там, – махнул он рукой парню в кепке, заглянувшему в кабинет. Тот понимающе кивнул и исчез.

– Значит, денег у тебя... – секретарь райкома вопросительно посмотрел на пограничника.

– Сколько точно, не знаю: считать некогда было, горело все, бомбили. А ящиков с ювелирным барахлом девять штук. Не взвешивал, но тяжелые, два из них – металлические, закрыты и опечатаны.

– Слушай, капитан, – поднялся Ярош, – на станции Вязники, это немного юго-восточнее, стоит эшелон под парами. Стоит, дожидаясь отправки застрявшего здесь архива обкома и прибытия эвакуируемых. Поезд надо срочно отправлять, пока не разбомбили. Есть предложение: берешь на свои машины военврача и раненых – они с оружием, вот и будет охрана, – и едешь на станцию. Подожди, –

остановил он хотевшего встать Денисова, – еще не все. Деньги мы примем, посчитаем до копейки и уничтожим! Да-да, уничтожим, а тебе выдадим форменную расписку, потом новые напечатают на ее основании. Ювелирные ценности зароем, а тебе, как груз особой важности, дадим партийный архив области. Он дороже денег, за ним жизни множества людей, их судьбы, в том числе и послевоенные. Ведь кончится и эта война когда-нибудь? Согласен?

– Выбора все равно нет, – Денисов надел фуражку. – Только давайте поскорее все решим и оформим. Время не ждет. Да и немцы...

– Это не только моя просьба, но и приказ партии. – Ярош посмотрел в глаза пограничнику. – Теперь ты можешь умереть только в двух случаях: если архив уничтожен или находится в безопасности!

– Мне умирать никак нельзя, – серьезно и тихо ответил Александр Иванович. – Никак!

– Вот и хорошо, – Ярош пожал ему руку. – Надеемся на тебя, чекист. Военком сейчас свяжется с Вязниками по телефону: там для тебя специальный вагон прицепят, поедешь с комфортом. Сопровождающего дадим. Ну, удачи тебе, пограничник!

* * *

Как только Сорокин попытался подойти к стоявшим во дворе двум запыленным полуторкам, перед ним словно из-под земли вырос сержант-пограничник с автоматом.

– Нельзя, товарищ военврач!

– У меня разрешение райкома!

В ответ Глоба лязгнул затвором:

– Назад!

- В чем дело? - спросил подошедший Денисов.

- Да вот, товарищ капитан, - кивнул на Сорокина Глоба, - военврач к нашим машинам, а я ему...

- Распорядитесь все сгрузить, - устало садясь в тени, приказал Денисов. - И позовите Браницкую, пусть составит акт по всей форме на уничтожение денег. Да-да, - видя, как недоуменно округлились глаза сержанта, повторил капитан. - На уничтожение.

- А как же?

- Там все объяснят, - прикрыл глаза Денисов. - Пусть сделают подробный план, где спрятаны ценности, и передадут нам копию. - У вас карта есть? - поднял он глаза на Сорокина. Садитесь, покажете, где забрать раненых и где эти Вязники.

- Полагаете, мы еще успеем погрузиться? - разворачивая на коленях карту, с сомнением спросил военврач.

- Иного выхода нет, - отрезал пограничник. - Прикинем час на хлопоты с ценностями, еще час на погрузку раненых и дорогу. Даже полтора часа, учитывая всякие неожиданности. М-да, многовато! Но надо успеть.

- Вы что, контужены? - сворачивая карту, Сорокин поглядел в лицо капитану. - Не возражайте, я все-таки врач! Вас надо осмотреть. Пойдемте в угол двора, там не помешают.

- Лишнее, - поморщился Денисов. - Просто попали под бомбы, еще там, около границы. Сейчас уже почти нормально.

- Не возражайте, - поднялся Сорокин, - пошли! Иначе как вы будете нами командовать? Пошли, пошли!

Денисов неохотно встал и направился следом за военврачом в угол двора, мимо сгружавших мешки с деньгами милиционеров и помогавшего им Глобы...

Деньги горели плохо, корежась в огне и оставляя ломкий белесый пепел. Дым от костра, на котором сгорали купюры, был тоже каким-то белесым и удивительно едким.

Пересчитывая деньги и бросая пачки в огонь, Анеля Браницкая плакала, не стесняясь и не вытирая слез. Они катились по щекам, падали на руки, ловко и привычно пересчитывающие купюры.

– Знаешь, Петро, отчего дым от них такой? – спросил Глоба у Дацкого, ворошившего костер штыком. – То пот народный горит!

Петр, не отвечая, выпрямился, вытер рукавом грязной милицейской гимнастерки слезящиеся глаза. Глоба деликатно отвернулся...

Да, горек дым оставляемого родного пепелища...

Глава 4

Из приказа, подготовленного начальником штаба оперативного руководства вермахта генералом А. Иодлем и подписанного фельдмаршалом В. Кейтелем:

23 июля 1941 года

Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточной для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться... Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер...

Указ

Президиума Верховного Совета СССР

«О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северокавказскому и Закавказскому военным округам»:

На основании статьи 49 пункта «л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов – Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума

Верховного Совета СССР М. Калинин

Секретарь Президиума

Верховного Совета СССР А. Горкин

* * *

Извилистая шеренга маленьких красных флажков, обозначавшая линию фронта, протянулась сверху вниз по всей карте, от холодных северных морей до черноморских пляжей. Везде шли бои – тяжелые, кровопролитные, без передышек, и если вдруг на одном участке фронта ненадолго замолкала канонада, то на других она начиналась с удвоенной силой. Уже несколько дней красные флажки меняли свое расположение, пятась назад, оставляя врагу все новые и новые населенные пункты, высоты, километры шоссе и грунтовых дорог, железнодорожные вокзалы и пристани, аэродромы и заводы, оставляя под оккупацией людей...

Стоя перед картой, начальник одного из подразделений разведуправления Генштаба РККА генерал Ермаков, известный сотрудникам разведки под псевдонимом Старый, смотрел на закрашенные зеленым цветом лесные районы Белоруссии. Он словно пытался отыскать взглядом одному ему ведомую точку, не нанесенную на карту.

– Таким образом, – продолжал читать сводки стоявший за спиной генерала капитан Колесов, – до Минска спецэшелон, отправленный со станции Вязники, не дошел. В настоящее время никаких сведений о машинах, следовавших под командой капитана погранвойск НКВД, с момента их отбытия по направлению к Вязникам, более не имеется. Связь с агентурной сетью в Белоруссии временно прервана.

– А груз машины везли особый, – отходя от карты, закончил Ермаков. – Противник уже взял Минск. Наверху есть мнение, что во время войны это дело военной разведки. Нам и предстоит искать.

– Так точно, – закрыв папку с бумагами, вытянулся Колесов.

Генерал прошел к своему столу, сел, знаком предложил присесть Колесову. Закурив, откинулся на спинку стула – он всегда сидел только на стульях, чтобы меньше ныла раненная еще на Гражданской спина, – и, прикрыв глаза, подумал, что в тугой узел сплелись, казалось бы, далекие друг от друга вещи: вывезенные из госбанка деньги, девять ящиков с золотом, партийный архив области, безвестно пропавший капитан Денисов, встретивший на границе связного и получивший от него документы, касающиеся стратегических замыслов немецко-фашистского командования в начавшейся войне.

Да, война все смешала, поломала планы, искалечила судьбы, разбросала людей, сделав их без вести пропавшими. Жив ли Денисов, какова судьба разведанных, полученных им от погибшего при переходе границы связного? Что могло произойти по дороге на маленькую станцию Вязники или что-то случилось на самой станции? Почему нет никаких сведений ни о Денисове и его машинах, ни об эшелоне? Целый поезд не иголка – но как в воду канул!

Страшная штука неизвестность, тем более в условиях постоянно меняющейся обстановки на фронтах, когда немец так и прет вперед, не считаясь с потерями.

Ночью Ермакова вызывали в ЦК[5 - ЦК – Центральный комитет партии, располагавшийся на Старой площади в Москве.]. Объяснили всю важность задачи по спасению или уничтожению архива обкома. Генерал и сам прекрасно понимал, что за бумагами стоят жизни множества людей, в том числе и оставшихся на территории, временно занятой врагом.

Не менее, а то и более важны в сложившихся условиях и принесенные связным копии немецких документов. Зная, что именно хочет сделать противник, можно попытаться остановить его, разрушить сложившиеся замыслы, заставить метаться в поисках новых решений, перебрасывать резервы, терять время и инициативу, а время выиграть сейчас крайне нужно, жизненно необходимо!

Ермаков прямо сказал ночью в ЦК ВКП(б), что спасти партийный архив – дело практически нереальное: даже уничтожение такой массы бумаг весьма сложная задача! Еще надо выяснить, что с документами, переданными связным, где они, что с деньгами, с золотом?

Голова кругом пойдет от всего этого. В ящиках с золотом не один танк или самолет, если перевести их стоимость на деньги, а в последнем сообщении из Белоруссии только сухая констатация факта: капитан Денисов с грузом денег и золота был в райкоме и, погрузив архив, убыл к станции Вязники. И запросить больше некого – теперь там немцы.

– Ваше решение? – не открывая глаз, спросил капитана Ермаков.

– Направим группу, – встал Колесов.

– Сиди, – вяло махнул рукой начальник.

В последнее время он спал по три часа в сутки, но старался не показывать виду, как устал, как давит нервное напряжение и что он уже иногда просто боится читать последние сводки с фронтов.

– У нас там нет точек опоры, – открыл глаза генерал. – И нет времени ждать, пока их создадут. Сам знаешь, все началось внезапно, а район действия группы будет недалеко от новой границы, установленной в тридцать девятом году. Что же, посылать людей, как письмо Ваньки Жукова – на деревню дедушке?

– В известном смысле, – Колесов открыл свою папку. – Я разговаривал с товарищами, нам дают явку подпольного райкома. Явку и пароль. Как раз в деревне.

– Одну? – потер рукой лоб Ермаков. – Мало! Но и на том спасибо. Кого назначаете командиром группы?

– Капитана Волкова. Он прекрасно подготовлен, выполнял ранее ряд специальных ответственных заданий в спецкомандировках. После ранения полностью оправился. Получит свой обычный псевдоним – Хопров.

– Там сейчас большая плотность войск противника, – генерал встал из-за стола и снова подошел к карте. – Правда, леса – прекрасное укрытие. Но большую группу мы отправить не сможем: с людьми очень напряженно. Об этом вы подумали?

– Да. Заместителем командира назначается лейтенант Красной армии Трофимов, остальных берем из воздушно-десантной бригады, а радиста из школы войск связи. Окончил курс с отличием, занимался в аэроклубе, характеризуют как виртуоза радиодела.

– Хорошо, но на подготовку больше двух суток дать не могу. И постарайтесь еще сократить срок. – Ермаков повернулся к столу. – Где эти Вязники, где?

Колесов быстро достал из папки сложенную гармошкой карту-десятиверстку, развернул, поискал глазами знакомый кружочек, обозначавший городок Вязники.

– Вот, товарищ генерал, – он показал Ермакову на маленькую точку. – А вот тут, – карандаш Колесова скользнул по карте в сторону, – деревня Погосты, где явка подпольного района. Во втором доме от леса...

* * *

Шагая рядом с одетым в штатский костюм Волковым к домику, где расположилась ожидавшая прибытия командира разведгруппа, Колесов размышлял, как быстро в военной обстановке ломаются прежние, казалось,

незыблемо устоявшиеся стереотипы. В предвоенное время ему уже приходилось заниматься тактикой работы разведывательно-диверсионных групп и деятельностью войсковой разведки постольку-поскольку, знать это, так сказать, в более общем плане, не вдаваясь в тонкости. Он даже окончил на разведфакультете специальный курс в Академии имени М.В. Фрунзе. Но в академических разработках по тактике, на штабных занятиях и полевых учениях в войсках больше уделялось внимания наблюдению, подслушиванию, действиям в дозорах на марше. И практически не отрабатывались вопросы организации разведки в глубоком тылу врага, при ведении оборонительных боев и захвате языков, хотя в боевых условиях указывалось на необходимость проведения разведывательных поисков с целью захвата пленных. Считалось, что разведку может вести любой хорошо подготовленный красноармеец.

На одной из лекций в академии молоджавый генерал развивал тезис, что в армиях противника служат те же рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, и они, побуждаемые классовым самосознанием, сами начнут переходить на нашу сторону. В силу этого, как считал генерал, тратить время на разработку стратегии и тактики действий разведывательно-диверсионных групп нет смысла. Колесов с ним тогда заспорил, привел контраргументы, но спор кончился ничем, если не считать неприятностей, последовавших после рапорта генерала. От них Колесова избавил, взяв под свою защиту, старый – генерал Ермаков. И приказал вплотную заниматься вопросами разведывательно-диверсионной работы в глубоком тылу врага. Но поздно приказал, война уже стояла на пороге.

Спросить бы сейчас у давнего оппонента, генерала, преподавателя академии, где набрать столько людей, хотя бы даже из хорошо подготовленных красноармейцев, чтобы они были способны работать во вражеском тылу? Ведь нужны люди не только с крепким характером и волей, отличающиеся храбростью и настойчивостью, но и обладающие определенной хитростью, сообразительные, прекрасно развитые физически, имеющие отличный слух и зрение, мастерски владеющие любым оружием и приемами самообороны, хорошо ориентирующиеся на местности в любое время суток, знакомые с организацией войны и тактикой действий противника и прошедшие курс специальной подготовки. Сейчас, в срочном порядке, надо готовить такие кадры...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–1945. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. Т. 2. Приложение 23.

2

Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 34.

3

Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 69.

4

Архив МО СССР, ф. 221, оп. 3467, д. 39, л. 77–84.

ЦК – Центральный комитет партии, располагавшийся на Старой площади в Москве.

Купить: https://tellnovel.com/vedeneev_vasiliy/vzyat-svoy-kamen

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)